

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЛЕГКИЙ
ЗАКАЗ

Андрей Александрович Васильев

Легкий заказ

Серия «Агентство ключ», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69414214

Аннотация

Люди так устроены, что всегда хотят знать больше, чем им положено, и владеть тем, что, возможно, не для них и предназначено. А, значит, всегда найдутся те, кто им в этом поможет, но, разумеется, не за просто так, а за соответствующее вознаграждение. Чем-то подобным и занимается Максим Чарушин, владелец агентства "Ключ". Ну, разве что с одной поправкой – среди его клиентов встречаются не только люди, а их пожелания иногда находятся аккурат где-то между человеческими законами и здравым смыслом.

Впрочем, тот заказ, что был предложен Максу в один прекрасный день, поначалу показался ему не самым сложным, хотя и немного странным...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	70
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Андрей Васильев

Легкий заказ

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, зданиями, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава 1

Среди моих знакомых хватает тех, кто то и дело раздраженно заявляет: «Если бы не бизнес, то ноги бы моей в центре Москвы не было». В чем-то понять их можно – вечная духота, причем даже зимой, что противоестественно, толпы народу, оживленно снующие по улицам в любое время дня и ночи, самокатчики, ставшие сущим проклятием в последние годы, и, конечно же, непрерывный поток машин, едущих сначала откуда-то куда-то, а потом обратно.

Но вот меня все это, как ни странно, не смущает и не бесит. Мне по нраву вечно шумящий мегаполис, мне по душе его непрерывный ритм бытия. И когда я выбирал, куда именно будут выходить окна моего офиса, в тихий внутренний дворик или на неумолчное Садовое кольцо, то остановился как раз на последнем варианте. Ну вот нравится мне смотреть на броуновское движение автотранспорта, которое даже ночью не прекращается ни на миг. Оно меня умиротворяет, особенно когда приходится вести не очень приятные разговоры, навряд ли того, что происходит прямо сейчас.

– Рабих, мы договаривались о чем? – Я бросил еще один взгляд на дорогу за окном и развернулся к посетителю, сидящему в гостевом кресле. – Напомни мне, пожалуйста.

– Так это, – невысокий мужчина лет сорока с восточными чертами лица наморщил лоб, – ты делаешь так, чтобы моя

жена и дети тут жили. В Москве.

– Верно, – кивнул я. – Причем не на птичьих правах, не ожидая каждый момент, что вот-вот в ваш дом войдут суровые личности и скажут, что вам пора покинуть этот город и эту страну. Нет, у тебя теперь есть бумага, которая защитит от многого и многих. Не от всех, конечно, но речь о полной безопасности и не шла, подобное стоит дороже. Куда больше того, что ты мне обещал.

– Это да. Это я понимаю, – комкая в руках кепку, пробормотал мой собеседник.

– И хорошо, что понимаешь, Рабих. – Я сел в кресло, закинул ногу на ногу и сплел пальцы рук в «замок». – А вот мне кое-что непонятно. Например, почему ты так недорого ценишь данное слово. Причем не только свое, но и досточтимого Газвана. Помнишь наш предыдущий разговор?

Молчит, сопит, смотрит в пол. Господи, всякий раз одно и то же. Нет, положительно надо заканчивать с оказанием подобных услуг, и не по душе они мне, и сопряжены с вот такими заунывными разговорами. Вот почему я постоянно должен из этой публики выбивать то, что и без того мое?

– Это вопрос, Рабих, – пояснил я. – У нас принято на них отвечать. Так что, помнишь или нет?

– Помню, – кивнул он.

– Хорошо, – одобрил его слова я. – Тогда было сказано, что тут не благотворительная организация под названием «Протяни руку ближнему» и оплату я хочу получить до того,

как будет оказана услуга. Ты же сказал, что документы прямо сейчас очень нужны, гонорар же будет выплачен обязательно, просто позже, так как это связано с определенными логистическими проблемами.

– Такого не говорил, – встрепнулся таджик. – Другое говорил. Обещал, что муаллим Мансур обязательно пришлет то, что вам нужно, Максим-акоджон. Только чуть потом. Не сразу.

– Это одно и то же, – пояснил я. – И еще – какой «акоджон»? С чего я тебе старшим братом стал, Рабих? Нет, все люди братья, конечно, но все же у нас другие отношения, не родственные, а деловые. И сейчас ты мой должник, что очень печально. Не для меня, для тебя. Я свое все равно заберу, поверь.

– Понимаю, – снова пробубнил посетитель. – Я же не отказываюсь...

– Да-да-да, – улыбнулся я. – Ты думаешь, что все так просто? Что мы сейчас поговорим и закончится все чем-то вроде «даю тебе еще неделю»? Ну а неделя – это же долго, мало ли что придумать можно? Например, сменить место жительства. Москва город большой, пойди тебя после найди. Так ты думаешь? Так, так, знаю. Только вот что скажу: я тебя даже искать не стану. Более того – ты прямо сейчас можешь просто встать и уйти из моего офиса.

– Уходить? – недоуменно переспросил Рабих. – Правда?

– А смысл с тобой говорить? У тебя нет того, что мне обе-

щано за услугу, и неизвестно, существует ли предмет, предназначенный для оплаты, вообще. Ну а раз так, то за твое вранье ответит поручитель, то есть Газван. Это же он тогда сказал: «Максим, помоги ему, он тебе заплатит, обещаю». Его никто за язык не тянул, верно? Сегодня вечером в его доме будет большой праздник, на который я, кстати, приглашен, так вот там, прямо за столом, в присутствии родных и гостей, я и требую с него твой долг. Сначала с днем рождения поздравлю, а после скажу о том, что он всегда платит по счетам, даже если те не его. В такой ситуации не поюлишь, в ней последнюю рубашку снимешь и отдашь, лишь бы позора избежать. Понятно, что изначально обещанное я не получу, но меня устроит и что-нибудь попроще. Род Газвана древен и богат, думаю, среди накопленного добра найдется то, чем он сможет со мной расплатиться. Ну а ты после этого будешь должен уже не мне, а ему. И, думаю, ты отлично понимаешь – после такого позора у твоего рода не то что казан заберут, но и все любимые надгробия из кладбищенской земли повыковыривают. Вот, должно, твоя родня этому обрадуется! Сколько добрых слов в твой адрес прозвучит – представить страшно. А когда твои земляки проводят еще и о том, что я из-за твоей жадности и хитрости больше с вашим братом дела иметь не стану, то тебе еще веселее станет!

По мере того, как до Рабиха доходил смысл моих слов, в его глазах появлялась недобрая красноватая муть, а когда закончил фразу, то и лицо начало меняться. Сначала кожа

словно сморщилась, после из нее полезла черно-синеватая шерсть, нос сплюснулся и раздался в стороны, а зубы здорово увеличились в размере. Впрочем, и сам визитер как-то так прибавил в росте, отчего одежда начала потрескивать по швам.

– Ну-ну-ну, – поморщился я. – Заканчивай, а? Ну да, мохнорыл, клыкаст... И что, мне надо сразу кричать и пугаться? Вай, боюсь-боюсь?! Или ты думаешь, что мне до того гюль-ябани видеть не доводилось ни разу? Да и не так уж ты страшен, скажем честно. Вот у меня в соседнем подъезде барбер-шоп работает, так там да, эдакий страх Господень иногда из дверей выходит – нет слов. Видел недавно одного – сам рыжий, борода в три косы заплетена, на голове хрен чего... Да ты дар речи потерял бы, встретить такого, поверь. Потому кончай шапито, Рабих, серьезно. Давай думать, что дальше делать будем. Ситуация-то хреновая.

Посопел уроженец Таджикистана, посопел, да и последовал моему совету, клыки спрятал, шерсть с лица согнал, снова людской облик принял, ссутулился и устоялся в пол.

Не скажу, что я сейчас играл с огнем, но некоторая доля риска, конечно, в ситуации присутствовала. Пусть незначительная, но все же. Гюль-ябани ребята достаточно серьезные, из тех, что в драке идут до конца, особенно если распробуют твою кровь. Нежить же, она им как нам водка. Ну да, здесь, в России, находясь в отрыве от родных земель, давно заброшенных шахраков и горных предлесий, подобные Ра-

биху не так опасны, но когти и клыки ведь никуда не деваются? Они все также бритвенно остры, и их обладатель, если загнать его в угол, многое может учудить.

А здесь именно такая ситуация. Шутка ли – репутация на кону. Да что репутация – жизнь. Если я свою угрозу реализую и Газван, контролирующий существование доброй половины таджикской нежити и нелюди в Москве, узнает о том, что его честное имя жестко спустили в очко, то Рабиху кранты. И жене его, и детям, и, возможно, остальным родственникам. Мало того, конец и доброму имени семьи, к которой он принадлежит, причем надолго. У них с этим строго, века пройдут, а дурная слава останется, и пофиг, что речь идет не о людях, а о представителях мира духов. Гуль-ябани ведь по сути своей духи, пусть и существующие в материальном обличье.

– Не хочет дедушка Мансур казан отдавать, – наконец выдал Рабих из себя. – Я просил, сильно просил. Не желает!

– А до того как я тебе помог, значит, желал? – с иронией осведомился я. – В тот момент, когда мы по рукам ударили, в голос кричал: «Забирай что хочешь, главное – пусть у тебя документы будут»?

– Тогда согласен был, – кивнул гуль-ябани. – Говорил, что старый, что его ущелье ждет скоро и ему казан больше не нужен.

– Ущелье?

– Ущелье Семи Троп, – пояснил собеседник. – Это вас

в землю кладут, а мы, когда последний час приходит, сплетаемся там с темнотой. Оттуда на свет вышли, туда возвращаемся. У каждого рода такое место есть. Свое. Семейное.

– Понятно. – Я побарабанил пальцами по столу. – Очень романтично и познавательно, но на этом лирическую паузу предлагаю считать завершённой. Что с моим казаном?

Казалось бы – какая ерунда, казан для плова. Мало ли их на свете? И старых, с мятыми краями, проверенных тысячами лет и тысячами тысяч пловов, и новых, сделанных век-другой назад. Ан нет, таких, которым владеет бабушка Мансур, обитающий на далекой таджикской земле, мало. Да вообще почти нет! Штука в том, что отливка этой кухонной принадлежности происходила при посредстве не самого простого огня. Вернее, огонь был обычный, но в качестве топлива для него использовался не только уголь, но еще и дрова, на которые порубили некую особенную чинару, выросшую из семечка, брошенного в землю одной сильно могучей особой, имя которой осталось в веках. Причем росла сия чинара близ ручья Зимчуруд, источника ой какого непростого, читай – сакрального, и было ей на момент гибели никак не меньше двух тысяч лет. Или даже больше. А потом в тот же ручей, воду которого с незапамятных времен называют «жидким золотом» и «даром небес», полученный в процессе изготовления казан и окунули, после чего он приобрел ряд полезнейших свойств. Не волшебных, конечно, поскольку никакого волшебства на свете нет и, думаю,

никогда и не существовало, но крайне полезных. Например, если в этом казане сварить плов, при этом в нужный момент добавить в него правильные травы и сказать не менее верные слова, то можно излечить человека от язвы. Вот такое вышибание болезненного клина вкусной едой. Зрение можно маленько подкорректировать, насколько мне известно, мужскую силу вернуть. Ну, не то чтобы прямо совсем, до состояния ненасытной до женского тела юности, когда одеяло поутру стоит вигвамом. Скорее, речь идет о стабильной устойчивости. Но тут ведь как – лучше что-то, чем ничего.

Короче, хорошая штука. И самое главное, есть тот, кто за нее готов многое отдать. А у него, у этого «того», во владении находится другой предмет, который... Короче, там длинная цепочка, замучаешься рассказывать. Пока ясно одно – дедушка Мансур пошел в отказ. Ну или вообще не в курсе того, что его казан уже не его. А как иначе понять пронзительно-горестное выражение лица моего собеседника?

– Тогда беги, – вставая с кресла, равнодушно посоветовал гюль-ябани я. – У тебя день, максимум два. Нет, документы твои аннулируют только в понедельник, так что полиции можешь не опасаться пока, но вот соплеменники, которые ко мне могут больше нос не казать, и особенно почтенный Газван... Короче – не буду повторяться. Чего из пустого в порожнее переливать? Иди отсюда, ты мне больше неинтересен.

– Уважаемый Максим, я клянусь...

– Твоя клятва стоит не больше, чем жизнь этой мухи. – Я поймал упомянутое насекомое, которое с упорством билось в стекло, желая смыться из моего кабинета куда подальше, и показал его посетителю. – То есть чуть больше, чем ничего. Ты просто пытаешься выиграть время. Нет, это так не работает.

– Памятью предков клянусь, кладбищем, которое когда-то служило домом первым из рода...

Я молча раздавил муху, после взял со стола листок бумаги и, поморщившись, вытер пальцы.

– Кладбищем, значит. Нет, кладбище – не самый подходящий для меня залог. Да и потом – это же надо будет к вам туда лететь, тяжелую технику искать, чтобы его снести ко всем иблिसам, до того с властями договариваться. То есть – далеко и долго. Да и дедушка Мансур, боюсь, в драку полезет. Я, конечно, его убью, но зачем мне все эти телодвижения? Мы решим вопрос проще. Амулет давай.

Я вытянул вперед правую руку, повернув ее ладонью вверх.

– Так нельзя, – блеснул глазами Рабих. – Это мое!

– Твоим и останется, – пообещал я. – Если в течение следующей недели казан получу, так сразу его тебе верну, даю слово. Я не ты, если что обещаю, то это всегда делаю. У нас тут по-другому нельзя, приятель. Таковы национальные традиции. Давай-давай, не тяни.

Вот теперь моего должника как следует проняло, что отлично заметно. Он аж грудь руками прикрыл, то место, где под рубахой в густой шерсти висит небольшой амулет, представляющий собой кругляш, испещренный иероглифами. Его величайшая ценность, может, даже более важная, чем семья, дом и дедушка Мансур.

У каждого гюль-ябани такой есть, он, если угодно, сосредоточение его силы. Без этой вещицы Рабих станет никем, поскольку лишится одним махом почти всех умений, доставшихся ему от предков. В принципе их и так не сильно много, поскольку представители его вида не самая могущественная нежить из тех, что обитают в Таджикистане и на сопредельных территориях. Нет, есть еще более слабые существа вроде чора, который представляет собой туманный сгусток, и все, на что способен, так это на время отвести глаза немощному, а то и просто пьяному путнику. Или, к примеру, совсем уж безобидный заупокойный дух кормос, сил которого хватит лишь на то, чтобы таскаться под окнами дома да в них постукивать. А вот до проклятой твари хортлака, с которой не дай Бог кому-то столкнуться ночью на кладбище, или безжалостных му шувуу моему гостю точно ох как далеко.

Блин, аж мурашки по спине пробежали, как про му шувуу вспомнил. Я с ними в горах Ферганы знакомство свел, аккурат в эти дни, только три года назад. Мало того, что они меня здорово клювами подолбили, так еще чуть в пропасть не столкнули. Но оно и не странно, ведь я представлял собой

зримое воплощение всего того, что им ненавистно, а именно крепкого молодого мужчину, да еще и неженатого. Как такого не убить?

Штука в том, что му шувуу есть перерожденные души девушек, умерших нехорошей смертью, как правило, самоубийц. Ну а из-за чего слабый пол в петлю лезет или вены себе режет? Чаше всего из-за нас. Ясно, что не всякая из них после обрывает птичьими перьями и обзаводится железным клювом, при помощи которого так удобно добираться до сладкой горячей людской крови, но те, которые успели перейти дорогу чодугарзан, по-нашему ведьме, и заработать проклятие – с гарантией.

Уцелеть я уцелел, но с контрабандистом Тахиром, который назначил мне встречу в тех гиблых местах, крепко после разругался. Но, если честно, – что за каменный век? Какие личные встречи в заброшенных кишлаках? Да, ту нефритовую статуэтку, что он мне приволок аж из Непала, экспресс-доставкой не пошлешь, но есть же другие способы? Мало, что ли, из Азии в Россию разного всякого товара идет по вполне легальным каналам? Вернее – едет. Дай дальнобойщику денег, бумажку с моим телефоном и пообещай устроить большие проблемы родне, если груз до точки назначения не доберется. Всё. Ну накинь к своей цене еще десять процентов за хлопоты, в конце концов.

Ладно, не суть. Так вот – без амулета Рабих никто. Тот же Газван, узнай он о потере родового знака, сразу даст ему пи-

нок под зад. Он почему за него изначально вписался? Да потому что гюль-ябани обладают даром внушения. Даже не так. Они могут подчинять себе волю других людей, заставляя тех делать нужные вещи, причем так, что контролируемый считает, будто он сам себе хозяин. То есть не чужое повеление выполняет, а непосредственно то, что захотела его собственная левая пятка. Очень и очень полезная штука, особенно на строительстве и в областях народного хозяйства, где работают тысячи соплеменников моего визитера. Таких, как Рабих, сразу отправляют на серьезные и денежные объекты, где они целыми днями мотаются туда-сюда, тихонько приговаривая: «Мы сделаем все быстро, мы не устали, бригадир знает, когда дать отдых». КПД повышается в разы.

Причем, что характерно, работает это только с земляками Рабиха, на наших трудяг его чары не распространяются, они как ходили на перекуры каждые полчаса, так и ходят.

Впрочем, ничего уникального в его способностях нет. У нас вот есть Лихо Одноглазое, которое любит пьянчужек ментально терзать. По сути то же самое, только с примесью душегубства, поскольку как Лихо душу из жертвы вынет, так после ее обязательно топит. Сородичи Рабиха чуток помиловатее, иногда особо смелого бедолагу, попавшего к ним лапы, могут и отпустить. Или дать ему шанс, предложив побороться. Дескать, положишь меня на лопатки — иди себе дальше.

А наше Лихо фиг кого отпустит. Я, кстати, в прошлом

году с ним сталкивался, с одним из, имеется в виду. Поводилась эта нечисть на Речном вокзале шалить, в парке Дружбы, благо тот большой, с прудами, тиром и палатками, где мороженым торгуют. Сначала нечасто промышляло, раз в несколько месяцев, а после почуяло безнаказанность и начало серьезно шалить. Отдел 15-К, тот, который со стороны государства разные правонарушения подобного толка контролирует, то ли это дело проморгал, то ли опять у них скопился ворох проблем, которые они сами себе сначала создают, а после успешно решают, – не знаю. В результате подъездные с окрестных домов поворчали-поворчали, а после тряхнули мошной и наняли меня. Я сразу сказал, что убивать Лихо не стану, больно хлопотное это занятие, и, что самое главное, посмертного проклятья здесь не избежать. То есть в результате весь мой гонорар к ведьмам уйдет, да я им еще и должен останусь. Но отвадить его отважу.

И отвадил. Одноглазое, конечно, нечисть резкая, опасная, но в отличие от других неглупая и, что совсем здорово, склонная к компромиссам.

– А если через неделю я казан не принесу? – глухо спросил у меня Рабих.

– Тогда я твой амулет расплавлю, – равнодушно объяснил ему я. – У меня в соседней комнате стоит специальный агрегат как раз для таких целей, герметичный и компактный. А температуру нагнетает такую, в нем хоть что уничтожить можно.

Гюль-ябан что-то пошипел сквозь зубы на своем языке.

– Давай или проваливай, – чуть повысил голос я и требовательно пошевелил пальцами. – Ты и так украл слишком много моего времени.

Амулет лег в ладонь. Тяжелый, однако.

– Ты получишь казан, – сквозь зубы сообщил мне Рабих. – Но знай, человек, я ничего не забуду. Ни слов, ни обещаний, ни того, как ты со мной говорил.

– Это сколько угодно, – разрешил я. – А если захочешь побороться, так буду очень рад. Хороший спарринг-партнер сейчас большая редкость. Все, уходи. У меня еще очень много дел.

Дверью Рабих хлопать не стал, Восток есть Восток. Ненавидеть можно, но обижать хозяина дома, где ты пил чай и ел соль, нельзя. Порядок у них такой. Уважаю.

А обманывать, что характерно, можно, правила подобное допускают. Это даже не двойные стандарты, это как-то по-другому называется. Говорю же – пора с этой публикой завязывать, слишком с ней сложно работать. Да и работники недавно упомянутого отдела на подобное с некоторого времени косо смотрят, что, может, и правильно. Миграционная политика – дело серьезное, общественное, а они все же государевы люди, всегда такими были и такими останутся. Поэтому перед тем, как с ними о чем-то договариваться, всегда следует хорошенько подумать: а не вырулит ли кривая в ту сторону, которая не совпадает с интересами державы? Про-

сто если так получится, то вместо союзника ты можешь заполучить противника. Со мной такого не случалось, врать не стану, но пару историй на эту тему мне рассказывали, и всякая из них ничем хорошим для того, кто встал на пути сотрудников 15-К, не заканчивалась.

– Ушел? – заглянула ко мне Геля. – Ну чего, как и предполагалось? Наш азиатский друг решил, что слова и обещания достаточный гонорар для глупого и доверчивого русского?

Моя секретарша, полное имя которой Ангелина, внешне само очарование и простота, а ее белокурые волосы, кукольное личико и голубые глаза, наполненные бессмысленностью на пару с наивностью, всегда безотказно действуют на тех, кто видит ее впервые, особенно на мужчин.

И сколько раз не очень умные люди, да и нелюди, обжигались об этот вроде бы безобидный на взгляд уголек. Ее и купить пытались, и соблазнить, и завербовать, а один довольно зажиточный товарищ даже жениться хотел. Причем на полном серьезе, он прямо сильно влюбился. Цветы слал, коробочки с кольцами и браслетами, в Дубай звал, на крыше Бурдж-Халифа шампанское пить и оттуда на прохожих плевать. Неважно, что с тамошней высоты не то что людей, но и машины не различишь, означенному процессу это точно не помеха.

Цветы Геля принимала всегда, розы ее слабость, драгоценности брала через раз, а в Дубай не поехала вовсе. Она и жару не очень любит, и мужчина этот ей не особо

направился. В какой-то момент ухаживания переросли в преследование, причем никаких просьб и доводов окончательно слетевший с катушек бизнесмен слышать не хотел и собрался перейти к более жестким и контактным формам ухаживания. Это окончательно подорвало хорошее отношение Ангелины к любвеобильному поклоннику, и она обратилась к одной нашей общей знакомой, которая неплохо разбирается как в вопросах любви, так и смерти. Для начала эта парочка сыпанула в суп настойчивого ухажера отворотного зелья, но на всякий они заготовили и более веский аргумент, а именно надежный яд медленного действия. Быстрого нельзя, все тот же отдел может что-то заподозрить и после встать на след. Медленный – совсем другое дело, там поди пойми, от чего человек загнулся – сам или от отравы? Они ведь не классический мышьяк или стрихнин собирались бизнесмену скормить, а тот, что следов не оставляет. По крайней мере, обычная экспертиза, причем даже очень дотошная, сроду ничего не найдет.

Слава богу, что первое зелье подействовало, выбив Гелю из сердца и памяти потенциального покойника раз и навсегда, и тот отбыл в Дубай с какой-то длинноногой эскортницей, а то ведь наворотила бы моя помогайка дел. Я когда постфактум всю эту историю узнал, ох как ругался! И в первую очередь даже не за то, что она молчала или за потерю контроля над ситуацией. Нет, ничего такого. Я ругал ее за то, что она сделку с ведьмой решила за моей спиной заключить.

Ей-ей, лучше уж с этим щедрым пузанком роман крутить, чем с кем-то из ковена Марфы дела иметь.

Для понимания – в столице и области есть где-то полтора десятка по-настоящему сильных ковеннов, которыми руководят сильные и знающие ведьмы из старых, матерых, все видевшие в этой жизни. Самые умные и хитрые из них – Марфа и Глафира, обитающие в столице, а также Дара, выбравшая местом жительства ближнее Подмосковье. Позиции последней, правда, сейчас здорово ослабли. В том году по осени случилась какая-то мутная история, в которой были замешаны оборотни, отдел, небольшое вурдалачье семейство и несколько ведьмаков, после чего акции Дары на пару с ее репутацией капитально просели. Детали, увы, разузнать мне не удалось, несмотря на то что информаторов в Ночи хватает. Но оно и понятно, Ночь не день, тут соцсетей и колонок «новости часа» нет, а тот, кто будет слишком много болтать, запросто может лишиться языка. И не только его, душу тоже забрать могут, причем не только у болтающего, но и у любопытствующего.

Так вот, Гелю я причесал тогда капитально, но зла на меня она не затаила совершенно. Она вообще не злопамятна, нет у нее такой черты. Да и вообще мне очень повезло с секретарем, поскольку Ангелина, кажется, в целом состоит из одних достоинств. Она быстро печатает, варит отменный кофе, знает три языка, пунктуальна, не болтлива и отлично стреляет с двух рук. Нет-нет, я не шучу. Это ее бра-

тец-спецназовец научил еще в детстве. Талант у моей помощницы такой, стрелковый, вроде музыкального слуха или умения рисовать. Ее даже в большой спорт звали, но мама сказала, что дочке это не нужно, на том тема была закрыта.

Маму Геля очень уважает и побаивается. Как, кстати, и я. Анна Петровна крайне властная и целеустремленная женщина из числа тех, которые перед собой препятствий просто не замечают.

Собственно, мы двое и есть весь списочный состав агентства «Ключ», которое представляет населению услуги консультационного характера по социальным проблемам, именно так написано в уставных документах организации, в которой я значусь учредителем и владельцем. И это все чистая правда. Мы на самом деле предоставляем такие услуги, с той, правда, поправкой, что понятие «население» в нашем случае имеет немного больший охват, чем подразумевается в бумагах. Наша клиентура... Она немного необычна, назовем это так. И проблемы, помощи в решении которых она просит, тоже не совсем традиционны.

Нет, к нам иногда заглядывают и обычные москвичи, невесть как и откуда про «Ключ» узнавшие. Рекламу мы не даем, медная табличка внизу от зелени патины практически нечитаема, я сам ее засовывал в аквариум с мышами, чтобы те над ней поработали, в интернете про нас тоже не пишут. Ну, почти. И все равно ведь откуда-то приходят странные люди со странными проблемами. То попросят воздей-

ствовать на управляющую компанию, которая лифт не хочет в доме обновлять, то требуют провести проверку в магазине с целью выявления «просрочки». Одна странная женщина вообще попросила ее мужа убить, поскольку количество его супружеских измен превысило все нормы. Не в шутку попросила, а на полном серьезе. Кстати, я даже потом пожалел, что телефон ее не взял. Надо бы мужика предупредить, очень уж у этой дамы целеустремленный взгляд был. Ну да, он сам виноват, но все же...

Разумеется, ничем таким мы не занимаемся, так как и не хотим, и времени нет. У нас другой работы полно.

Вот, например, только вчера я закончил довольно сложное дело, связанное с наследством одного очень уважаемого обитателя Ночи, которого звали Зураб Георгиевич. Был он вишап, и как водится у подобных ему существ, к концу своих дней накопил немало золотишка. Вишапы – дальние потомки драконов, потому, кроме немногочисленности, впечатляющего долголетия и непреодолимой тяги к девственницам, они очень любят благородный металл. Зураб Георгиевич прожил добрых две сотни лет, причем только первые пятьдесят годков провел в Грузии, откуда все вишапы родом, а все остальное время он ошивался тут, в Москве и ее окрестностях. При царе-батюшке держал бани, при Сталине служил сначала в «Торгсине», а после в наркомате пищевой промышленности, при Брежневе стал цеховиком, то есть за годы накопил добра немало. А вот куда его спрятал, нико-

му не сказал, потому отпрыски, дочь и сын, похоронив папашу, обратились ко мне. Само собой, перед тем обшарив все места, которые им только в голову пришли.

Две недели искал, облазал половину подземелий старой Москвы, дважды с гулями дрался, случайно обнаружил под Неглинной чугунок с монетами девятнадцатого века, чаю с разными домовыми выпил столько, что разбух от него, как мыльный пузырь, но отыскал-таки тайник, в котором обнаружилось четверть тонны золота в слитках и украшениях. Старый хрыч спрятал все в фундаменте своего первого доходного заведения. Эти бани, ясное дело, давным-давно снесли, но банк, который теперь обосновался на этом месте, стоит на старом основании, в котором и была оборудована захоронка. Причем, скорее всего, еще до революции.

Радости отпрысков Зураба Георгиевича не было предела, хотя, конечно, смотреть на то, как человеческое лицо превращается в морду рептилии, очень неприятно. Да еще этот золотисто-багровый отблеск в глазах с вертикальным зрачком... Так себе зрелище. Не страшное, скорее, противное.

Но расплатились они честно, отдали мне мои три процента от найденного, разумеется, в денежном эквиваленте. Мне золото ни к чему, а больше с них ничего и не возьмешь. Да и вообще вырождаются вишапы, каждое последующее поколение слабее предыдущего, и намного. Еще лет пятьсот – и совсем вымрут, наверное. Если только где-нибудь в горах Грузии останутся единицы, сохранившие па-

мать рода и остатки его силы.

О чем я? А, да. Наследники человека-дракона заплатили, а какой-то разнорабочий гюль – нет. Ну не свинство?

– Так оно и есть, – ответил я на вопрос Гели, а после крутанул на пальце амулет. – Но зато оставил залог. Если до следующей пятницы не будет гонорара, я его расплавлю.

– Он же после этого недели не проживет, – склонила голову к плечу она. – Я ничего не путаю?

– Ну да. – Я встал, подошел к сейфу и открыл дверцу. – Гюль-ябан без амулета – замечательная приманка для многих московских любителей экзотической азиатской кухни. Либо вурдалак выпьет, либо перевертыш ради печени его разделает. Если, конечно, раньше до этого врунишки свои же не доберутся. Он ведь не только меня кинул.

– Может, оно и хорошо, – заметила Геля. – Не то что кинул, а невеселая судьба того, кто не держит слово и не платит «Ключу». Отличная назидательная реклама, и притом совершенно бесплатная.

– Условно-бесплатная, – поправил ее я, захлопывая дверцу сейфа, в который убрал амулет. – Гонорар с этого красавца я так и не получу, ни с живого, ни с мертвого.

– Ой, да ладно, – отмахнулась девушка. – С Газвана что-то да стрясешь. В первый раз, что ли? Лучше на почту загляни. Там тебе очень странное письмо пришло.

– Н-да? – глянул я на Гелю. – И в чем странность?

– Не знаю, – подумав, ответила она. – Во всем, наверное.

Но точно не сформулирую.

Никаких экстрасенсорных способностей у моей секретарши нет, но вот чутью ее доверять можно. Раз говорит, что с письмом что-то не то, значит, так оно и есть.

— Ладно, давай глянем, — снова опустил зад в кресло я и тронул «мышь», выводя компьютер из «спящего» режима. — И Арсения ко мне позови, хорошо?

Глава 2

Геля очень верно подобрала определяющее слово для пришедшего письма, оно и впрямь оказалось странным. Не настораживающим, не безумным (бывали всякие случаи), а именно что вот таким, непонятным.

И это притом, что мое агентство с чем только за пять лет своего существования не сталкивалось. Да и до того, как появилось ИП М. А. Чарушин, я время зря не терял.

Но тут меня все же респонденту удалось удивить. Да, клиенты не всегда могут связно объяснить, чего именно им от меня нужно, но чтобы вот так, чтобы вообще не обмолвиться хоть одним внятным словом о конечной цели заказа – это, знаете ли, сильно.

«Добрый день, уважаемый Максим Анатольевич.

В первую очередь хотел бы сказать вам, что рад хоть так, эпистолярно, свести с вами знакомство. Репутация и добрая слава агентства “Ключ” идут впереди него, а это несомненный успех для любого предпринимателя, чем бы он ни занимался.

Но – к делу.

Я бы хотел нанять вас для решения одного очень непростого, можно сказать, частного вопроса. Сразу оговорюсь – мне известны ваши принципы, потому, разумеется, речь не идет ни о физической расправе над кем-либо, ни о

запугивании, ни о других не слишком благовидных поступках. Нет-нет-нет. Речь идет, скажем так, о поиске и обретении, что полностью отвечает заявленной миссии вашего агентства.

Но при этом я не могу игнорировать тот факт, что информация, которая будет сообщена вам в том случае, если мы, как стороны, достигнем согласия, является крайне приватной и ценной, настолько, что многие из тех, кто сейчас живет в Москве, очень и очень дорого за нее заплатили бы. Разумеется, я не подвергаю сомнению вашу деловую чистоплотность, но когда речь идет о крайне серьезных вещах, то мне, уж не обессудьте, нужны гарантии.

Понимаю, что прошу многого, особенно с учетом того факта, что мы даже лично незнакомы, потому предлагаю вам обратиться к нижеперечисленным в письме лицам, имена которых вы, уверен, хоть раз до слышали. Это мои друзья и деловые партнеры, с каждым из них меня связывают деловые отношения. Покажите им это письмо и задайте один простой вопрос: “Можно ли иметь дело с этим человеком”. А после, опираясь на их ответы, примите решение о нашем возможном сотрудничестве.

Искренне надеюсь на то, что оно будет положительным, поскольку это отличный шанс для каждого из нас стать немного счастливее и богаче. В вашем случае последнее гарантировано, ибо оказанные услуги будут оплачены более чем щедро, тому порукой мое слово, в честности которого,

уверен, вы скоро убедитесь.

Ожидаю ответа и, надеюсь, до скорой очной встречи!

С искренним уважением!»

И никакой подписи, только небольшой квадратик со сложным сплетением линий, похожий на оттиск перстня-печатки, только куда больше по размеру. Как видно, именно его мне предлагается показывать тем, чьи имена находились в самом конце письма, дабы они поняли, о ком идет речь.

Очень непростые имена, можно сказать – впечатляющие. Причем если с двумя из заявленных рекомедантов я раньше сталкивался, то про третьего вообще только слышал. Товарищ крайне непростой, много о себе понимающий и абы с кем не общающийся. Хотя если начистоту, то двое моих знакомых говорили о нем без особого уважения, утверждая, что понтов там куда больше, чем реального авторитета или силы. Вот только разговоры эти происходили после того, как бутылка виски показывала дно, что не гарантирует их объективность. Все мы смельчаки после изрядной дозы «Гленморанжа».

Н-да. И что мне со всем этим делать? То ли удалить письмо со словами «Да ну, фигня какая-то», то ли все же пообщаться как минимум с двумя из трех рекомедантов, хоть бы даже из любопытства? Время вроде есть, все заказы закрыты, а новых до понедельника ждать не приходится. Мы нормальная организация, в выходные офис не работает.

Скрипнула дверь, и в образовавшейся щели я увидел куд-

латую голову Арсения.

– Анатолич, звал? – спросил он у меня и шмыгнул носом.

– Заходи, – велел я ему, отправляя письмо на печать. Решение не принято, но пусть будет. – Дело есть.

Арсений вошел, аккуратно притворил за собой дверь, прошаркал раздолбанными кроссовками по полу и забрался в гостевое кресло.

– Вот что, – я взял лист из принтера и положил перед собой, – за сейфом приглядывай в ближайшую неделю повнимательней, лады? У меня там вещичка одна лежит, подозреваю, что ее хозяин может попробовать ее обратно забрать.

– Так я всегда блюду, – хлопнул глазами Арсений. – Как положено! По мере сил, понятное дело.

Тут он немного пригорюнился, как это всегда и случалось в таких моментах. Про свой социальный статус вспомнил, бедолага. Вернее, про его недавнее полное отсутствие.

Дело в том, что Арсений – изгой. Его два года назад сородичи-этажные вышибли из родного дома без права возвращения обратно. Подобное случается крайне редко, лично я о чем-то таком ни до того, ни после не слышал. Домовые вообще сильны своим умением поддерживать друг друга, плечом к плечу встречая любую беду, и невероятной по нашим временам верностью исконным ценностям. В том смысле, что они продолжают придерживаться того же уклада, по которому жили их деды-прадеды, разве что маленько подогнав его под новые реалии. Но без этого никак, урбанизация дик-

тует свои правила. Раньше на одного домового причитался один дом с одной живущей там семьей, теперь контролируемые площади расширились до подъездов в спальных районах и двух-трех этажей в домах старой застройки.

Арсений до того был этажным как раз в одном таком доме неподалеку отсюда, на Садовой-Триумфальной. И все бы ничего, но вот какая беда – вместо свойственной его сородичам хозяйственности, приземленности, собранности и методичности ему при рождении достались совсем другие черты. Арсений фантазер и изобретатель, ему были неинтересны ежедневные хлопоты коллег, связанные с засорами канализации и ежегодной миграцией мышей. Он рисовал чертежи странных машин, вместо того чтобы следить за пришлыми электриками, которые чинили проводку, или часами глазел в звездное небо, совершенно не думая о том, что в 95-й квартире пьющая хозяйка часто забывает закрыть кран в ванной.

Собратья терпели его странности очень долго. Они с Арсением и беседовали, и совестили его, и даже поколотили пару раз по-родственному, но все впустую. В конце концов старший по дому велел собрать припаса на три дня пути, вручил его ошарашенному случившимся изгнаннику и велел больше в их владения нос не совать. Мол, вон Род, вон порог, шуруй отсюда.

Ясное дело, такая сенсационная новость облетела не то что все окрестные здания, но и всю Москву, включая новомосковские окраины, потому шансы куда-то прибиться у бе-

долаги Арсения были ничтожны. Это же не людской рынок труда, где всегда можно какое-то место найти, тут родоплеменная система, в которой чужакам, да еще и никчемам, места нет. Даже на переночевать под лестницей в подъезде его не пускали. Не ровен час этот отщепенец заразный! Или, того хуже, речами своими молодняк с верного, прашурами завещанного, пути собьет.

В результате страдалец надумал свести счета с жизнью. Ну а как еще? Есть, кроме объедков, нечего, спать негде, октябрь на дворе, вот-вот первые снежинки закружатся. И главное – дела нет. Каким бы мечтателем Арсений не был, изначально заложенный в нем инстинкт домового давал о себе знать. Нет дома – нет смысла в жизни.

Вообще-то, подобное – диковина невиданная, домовые такими вещами, как самоубийство, не то что не балуются, они подобное даже представить себе не могут, но Арсений и тут продемонстрировал нестандартность мышления, потому нацепил на шею камень и собрался сигануть в Водоотводный канал с Третьяковского моста, того, который еще называют «Поцелуев». Рядом с ним еще деревья ненастоящие, обвешанные разноразмерными замками, стоят, их на ветки новобрачные вешают.

Так вот – иду я из ресторана, в котором с клиентом неплохо отметил завершение одного не очень сложного, но зато обоюдодоходного дельца, смотрю – на парапете, ни от кого не прячась, домовой стоит с камнем на шее и собирается си-

гануть в темные московские воды. Еле-еле успел его цапнуть за одежду, буквально в последний момент. Тот сначала брыкался, вырывался, орал, что жизнь потеряна, а потом еще и расплакался.

Чего-чего, а этого я от него не ждал. Я вообще никогда не то что не видал плачущих домовых, но о таком и не слышал. Дальше – проще, слово за слово, и мы разговорились. Я объяснил ему, кто такой есть и почему его вижу, хоть вроде и не должен, он же, жуя купленную в недалеком от моста магазине ватрушку с творогом, поведал свою невеселую историю, которая меня чем-то тронула. В результате я предложил Арсению пожить у меня в офисе на правах вольнонаемного работника, который отвечает за чистоту и порядок. За труды свои он ежемесячно получал зарплату ровно в один рубль, за которой с невероятной пунктуальностью являлся в мой кабинет каждого пятого числа месяца, в одиннадцать часов утра, а в случае моего отсутствия требовал ее у Гели. Насколько мне известно, он эти рубли очень аккуратно складывает в сундучок, который стоит у него в камерке, время от времени их пересчитывает и протирает суконной тряпочкой.

Шутки шутками, а вот такой формальный статус надо было зафиксировать непременно, чтобы его местные домовые не шуганули или чего хуже не устроили. Они же с ним по сей день ни словом не перемолвились, что Арсения, конечно, немного расстраивает. Все же какая-никакая, а они ему род-

ня. Домовые как армяне, все в хоть каком-то, да родстве.

Лично я во всей этой истории оказался выигравшей стороной. Помимо того, что я почти бесплатно заполучил очень полезного сотрудника, так теперь в мой офис ни один местный этажный не заглядывает. Не люблю, знаете ли, чужих глаз, они при моих занятиях совершенно не нужны. Пусть даже речь идет о домовых, которые никогда никуда не лезут и ничего никому без спроса не расскажут.

Что до Арсения – он мигом поладил с Гелей, которая зовет его Сенькой и гоняет как сидорову козу по малейшему поводу. Причем не из вредности характера или каких-то других нехороших склонностей, а по его же личной просьбе. Арсений очень боится, что мы его тоже выгоним, потому время от времени нашему мечтателю требуется хороший ускоряющий пинок, на которые моя помогайка большая мастерица.

Ладит Арсений и с четвертым обитателем нашего небольшого, но дружного коллектива. Он, как и домовый, тоже не числится в штатном списке, и налоги за него никто не платит. Но это и невозможно, поскольку Модест Михайлович полтора ста с лишним лет как мертв. Вернее – немертв, поскольку верное наименование того образа жизни, который ведут вурдалаки, это нежизнь. Вот так, в одно слово.

В отличие от Арсения, Модест Михайлович к нам не прибывался, это, скорее, мы потеснили его. Дело в том, что здание, в котором находится моя контора, построено не вчера и не позавчера, оно возведено чуть ли не после большо-

го московского пожара, устроенного графом Ростопчиным в честь визита французов в столицу. Ну ладно, маленько приврал, но не так уж и сильно. В старые времена, при царях-батюшках, этот дом являлся доходным и принадлежал как раз семейству Модеста Михайловича. Непосредственно его родитель как раз и финансировал постройку, а после смерти завещал сыну. Тот вел дела толково, рачительно, подумывал о расширении бизнеса путем выкупа соседнего здания, но в одну недобрую ночь подвернулся какому-то залетному голодному вурдалаку под клык. Что да как – не знаю, но в результате тот его убивать не стал, напротив, сделал себе подобным.

Осознав, что к прежней жизни возврата нет, Модест Михайлович переписал имущество на сестру и отбыл в Европу, где провел следующие полтора века. За это время она ему здорово опостылела, и после начала перестройки он вернулся домой, где быстро понял, что от той России, которую он помнил, не осталось вообще ничего. Ну, разве что березки да любовь народонаселения к критике всего и вся. В результате и без того меланхоличный вурдалак окончательно впал в мизантропию и поселился на чердаке здания, вылезая оттуда лишь за тем, чтобы раздобыть себе крови. Причем даже не человеческой, и дело здесь не в гуманизме. Очень Модест Михайлович род людской презирает, настолько, что ничего общего иметь с ним не хочет даже на пищевом уровне.

Но при этом ко мне в офис он заходит частенько. Си-

дит, закинув ногу на ногу, в приемной у Гели, отпускает цинично-язвительные шутки, когда та читает Арсению свежие новости из интернета, дает характеристики заказчикам, когда те этого не слышат (причем крайне точные), и иногда даже помогает мне советом, причем всегда своевременным и очень разумным. К тому же он знает многое и многих, причем не только у нас тут, но и за границей, что несколько раз меня серьезно выручало. Полторы сотни лет – это очень много времени, поневоле обрастешь связями.

А самое забавное в том, что он сначала нас с Гелей крепко невзлюбил. Дело в том, что мы арендовали то место в здании, где раньше находился его кабинет. Мизантропия мизантропией, но отчего-то тот факт, что его бывшее рабочее место занял именно я, ему не пришелся по душе. Раньше все три этажа занимал банк, а конкретно здесь сидел председатель правления, и Модесту на того было начхать. А когда въехал я, он отчего-то сразу встрепенулся и чуть ли не в первый же вечер пришел меня пугать, причем со всеми атрибутами жанра. И вошел незаметно, и клыки выставил, и в глаза красноты добавил.

Все бы ничего, но я не испугался. Если вурдалак тебя сразу за шею не прихватил, значит, ты ему на хрен не нужен, сие прописная истина. Эти ребята не разговаривают, они тебя или пьют, или нет.

Все вышло как с Арсением – сначала мы разговорились, в процессе беседы я выслушал десяток очень изысканных

саркастических шуток в свой адрес, но не обиделся, а попробовал ответить тем же, чем немало удивил своего гостя. С тех пор он и стал у нас завсегдатаем. И, может, даже немного моим другом. Ну, как мне кажется.

– Знаю, что блюдешь, – ответил я домовому. – Но ты поглядывай, ладно?

– Ага!

На самом деле не думаю, что Рабих ко мне в офис полезет. Тут специальная квалификация нужна и решительности поболее, чем у него. Но нашему домовому приятно, когда ему выказывают доверие, так почему бы его не побаловать? О персонале надо заботиться, от него очень многое зависит. Да, собственно, это мой единственный постоянный круг общения. Остальным или что-то нужно от меня, или мне чего-то надо от них.

– Слушай, купи себе уже нормальную обувь, – сказал я, глядя на кроссовки, которые не то что каши просили, а жаждали полного комплексного обеда. – Вернее – давай Геля тебе ее закажет. Прямо сюда привезут, в офис. Ну стыд же!

– Хорошая обувка, – возразил мне Арсений. – Вон, хозяин, сам глянь – пальцы покуда не торчат, потому как дырок нет, подошва что новенькая. Носить и носить еще! Ты вот лучше слушай, чего скажу: с третьего этажа сразу двое жильцов съехали, ага. Те, что дома продавали людям, и те, что железными ящиками торговали. Ну как вон тот, за которым ты меня смотреть поставил. У них еще девица чернявая рабо-

тала, с которой ты в том месяце... Ну, того-самого.

А, понятно. Из нашей малометражной компании фирм, сидящих на трех этажах старого здания, выбыли риелторы, которые были мутными донельзя, и фирма «Макаров замок», торгующая сейфами и сопутствующими товарами. Последнее меня особенно порадовало, поскольку я на самом деле в прошлом месяце переспал с Анькой, которая там отвечала за продажи. Знал ведь, что делать этого нельзя, но вот так карта легла. Ей делать нечего, мне делать нечего, на улице нескончаемый дождь из числа тех, что в Японии называют «сливовыми»... Короче – случилось и случилось. И все бы ничего, но она хотела продолжения, причем не только на уровне постели, но и в области чувств, а у меня аналогичного желания не возникало, из-за чего последние несколько недель я ходил по лестнице, опасливо поглядывая вверх. Теперь можно расслабиться и дать себе в очередной раз зарок не пакостить там, где работаешь и живешь.

– Она заходила попрощаться, так сказала, чтобы Гелька от тебя... Кхе... Короче, чтобы она, хозяйин, уходила. Мол, с таким, как ты, на одном поле даже садиться слабиться нельзя, не то что работать. Змеюка какая, а? Сама не «ам» и другим не дам.

– Бывает, – дипломатично уклонился от прямого ответа я, глянув на часы. – Ушла и ушла, забыли. Ладно, задание я тебе выдал, так что не подведи.

– Сполню в лучшем виде, – домовой слез с кресла, – не со-

мневайся!

Арсений покинул кабинет, я же снова взял листок и перечитал письмо. Вот что меня в нем так зацепило? Личность писавшего, человека явно незаурядного и отлично разбирающегося в людях? Не сомневаюсь, что он собрал обо мне информацию и понял, что чаще всего я берусь за дела, в которых присутствует загадка или тайна. Да, это моя маленькая слабость, сам про то ведаю, но поделаться с собой ничего не могу. Вон как ловко подано – «речь идет о поиске и обретении». Чего? Святого Грааля? Совести? Пропуска в хранилище отдела 15-К? Интересно же!

Или меня привлекает возможность лишний раз повидаться с Арвидом, главой одной из вурдалачьих семей, которая крепко поднялась за последние несколько лет, заняв довольно мощные позиции в ночной Москве, а также с Орестом Троицким, представителем цеха столичных колдунов? Большой частью это довольно сложная и непредсказуемая публика, с которой трудно иметь дело, но Троицкий выгодно отличается от остальных тем, что слышит не только себя.

Мы с ним не раз общались, но нужный ключик окончательно я так и не подобрал, а хотелось бы. Плотно привязать к себе сведущего колдуна, всегда готового к сотрудничеству, мне очень хочется, много через него пользы можно поиметь.

Что до третьей персоналии – вот здесь не знаю, не знаю... Не буди лихо, пока оно тихо. Бояться я его не боюсь, это чувство у меня почти атрофировалось за последние годы, но и

нарываться на возможные неприятности у меня особого желания нет. Тем более что они меня и без этого господина всегда найдут.

Ладно, будет день – будет пища. Кстати, о пище: если я хочу попасть на тот день рождения, о котором совсем недавно говорил Рабиху, то скоро надо уже выезжать. Пятница, лето, центр, а мне ведь в Кузьминки добираться придется. Часа полтора на дорогу уйдет, кабы не больше.

Вот в чем не откажешь восточным людям, так это в том, что гуляют они всегда широко, красиво и гастрономически богато. А уж если речь идет о такой особе, как Газван абу Джарван, то по-другому быть и не может. Как я уже сказал, под его крепкой рукой ходит немалое количество гостей столицы, которые нашли здесь работу, кров и стол, а иные и защиту от неприятностей, ждущих их на родине. Тот же Рабих не доброй волей покинул Таджикистан, насколько мне известно, возникли у него там определенные проблемы.

Хотя, если честно, повод для праздника был выбран более чем сомнительный. Просто я изрядно сомневаюсь, что почтенный Газван родился именно в этот день. Более того, уверен, что он и сам не знает точную дату собственного появления на свет. Газван дэв, а они, как известно, появляются на свет в горных пещерах, где и проводят первые десять-пятнадцать лет своей жизни. Бродят в темноте, поедают летучих мышей, змей и неосторожных спелеологов, и только впитав в себя изрядное количество мощи и крепости окружающего

их со всех сторон камня, выходят в большой мир. Но вот чего там, в извечном мраке подземелий, наверняка нет, так это григорианского календаря.

Впрочем, менее всего данный момент волновал самого именинника, он просто получал удовольствие от здравниц, звучащих в его честь, показной приязни, которую демонстрировали почти все сидящие за богато накрытым столом, и иранских мелодий, негромко звучащих фоном. Выбор именно такого музыкального сопровождения мероприятия был неслучаен. Газван утверждал, что он прямой потомок мазандеранских дэвов, созданных Ариманом и прославившихся в веках своей силой, мудростью и невероятной стойкостью перед лицом любых бед. Так это или нет – не знаю, но спорить на эту тему ни с ним, ни с кем-то другим точно не собираюсь. Зачем? Хочет он так думать – пусть его. Мне без разницы. Тем более что он вроде и в самом деле в Москву приехал откуда-то оттуда, именно из тех краев. Господин Ровнин, начальник отдела 15-К, в одной из частных бесед, которые у нас иногда случаются, упомянул о том, что нынешний именинник в годы перестройки прибыл в Москву из Туркменистана, а там находится большая горная система, носящая имя Хорасанская и граничащая akurat с Ираном.

Сам же Газван фактом родства со знаменитыми иранскими дэвами очень гордится, носит на заросшей черными волосами груди медный амулет с ликом могучего, недоброго

и не сильно известного широкой аудитории зороастрийского божества и время от времени вставляет в разговоре словечки на фарси.

– Дорогой друг! – взревел виновник торжества, расположившийся, разумеется, во главе стола, а после даже встал, тем самым показывая мне свое уважение. – Я рад, что ты почтил мой праздник своим присутствием!

– Как я мог его пропустить? – с наигранным легким возмущением спросил у него я. – Когда такой друг, как ты, зовет в гости, то следует прийти на его праздник даже в том случае, если на твоём пороге стоит сама смерть! И извини меня за опоздание. Пробкам все равно, куда я еду и зачем, они бездушны.

Я подошел к имениннику, и мы обнялись, причем мое лицо оказалось у него где-то под мышкой. Высок был Газван и очень крепок телом, даже в своем людском воплощении. Представляю себе, как он выглядит в истинном облике, не иначе как в нем метра три роста.

– Прими этот скромный дар, – протянул я дэву коробку, перевязанную синей лентой. – Думаю, он порадует твое сердце.

– Сразу посмотрю, – сообщил дэв гостям. – Поверьте, этот человек умеет удивлять.

Присутствующие, которых тут насчитывалось не менее полусотни, одобрительно зашумели, кое-кто даже поднял вверх медные чаши, в которых плескалось вино. Хоть публи-

ка в основном собралась восточная, заповеди Корана блюли далеко не все. Просто некоторые пирующие были потомками сущностей, появившихся на свет до того, как была написана эта книга, и ее догматы на них не распространялись. А вино, в свою очередь, существовало на свете еще до их предков.

– Ауф-ф-ф-ф! – восторженно прорычал Газван и показал гостям кривой кинжал в кожаных ножнах, единственным украшением которых была золотистая оплетка. – Скажи, этот клинок ковал тот, о ком я подумал?

– Увы, друг мой, – виновато улыбнулся я. – Нет, этого кинжала не касались руки Асадуллы Исфахани. Но ты и не так далек от истины, поскольку его сделал один из учеников великого оружейника. Эта сталь может убить даже феридж акра, как мне кажется.

Феридж акра, обитающие в Иране, являются аналогами наших водяных. Ну, с некоторой поправкой, конечно. Водяные являются рачительными хозяевами вод, оберегающими их, а иранский аналог ничем таким не занимается. Оные лысые зеленобородые существа в основном топят забавы ради лодки рыбаков и хватают за ноги беспечных купальщиков. А еще они очень не любят дэвов, уж не знаю почему. Само собой, родня Газвана отвечает водным обитателям тем же, влезая с ними в драку при каждом удобном случае. Вот только просто так их не убьешь, поскольку феридж акра по сути своей духи, и потому нужна особая, заговоренная сталь вроде той, из которой сделан мой подарок.

Мне этот кинжал достался года полтора назад в качестве премии за выполнение одного заказа и с тех пор лежал без дела. Продавать жалко, без повода кому-то отдавать тоже, штука-то козырная. А тут вот пригодился. Ишь, как именинник радуется, того гляди в пляс пустится, зажав лезвие в зубах.

– Спасибо, дорогой мой! – Я пережил еще одни объятия, в процессе которых у меня отчетливо затрещали ребра. – Садись за стол, кушай, отдыхай! Но не очень много вина пей, тебе еще говорить мне добрые слова! Без этого отсюда не уйти!

– Это угроза? – шутливо спросил я и выставил «пистолетиком» указательный палец, направив его на дэва.

– А как же! – рыкнул тот, повторив мой жест, а после мы оба расхохотались.

Поскольку торжество было восточное, место для меня заготовили заранее. Это у нас чаще всего гости садятся туда, куда пожелают или где свободно. Тут такие штуки не пройдут, нет. Здесь все четко разграничено, чем дальше тебя от хозяина стола посадили, тем меньшую ценность ты по какой-то причине для него представляешь. Потому, пока все веселятся, посиди и подумай, почему так случилось, осознай, что сделано не так.

Меня от Газвана отделяли пять человек, что говорило об очень хорошем отношении именинника. Вернее, пять гостей. Двое из них точно не люди, про еще двоих ничего ска-

зять не могу, не знаю. А пятым оказался Олег Георгиевич Ровнин, которого я недавно вспоминал.

Случайно дэв нас сделал соседями по столу? Не думаю. Вернее, уверен, что нет.

– Макс, рад тебя видеть. – Начальник отдела 15-К взял со стола узкогорлый кувшин тонкой чеканки и показал его мне: – Вина? Отличная лоза, давно такой не пробовал. Надо будет выпросить себе пару бутылок в качестве угощения на дорогу, разопью их при случае с Павлой Никитичной.

Ага, будет она винище хлестать, даже хорошее, жди. Павла Никитична все больше по водочке ударяет, насколько я помню. Там такая старушка – только держись. Вроде глянешь: дунь не нее – рассыплется, а на деле...

Год назад я не то чтобы перешел отдельским дорогу, скорее, пытался кое-кого у них из-под носа увести. Очень уж хорошую оплату за это предложили, такую, от которой не отказываются. Но не получилось, сыскные дьяки оказались хитрее, а на закуску эта самая Павла Никитична скрутила меня так, что я ни охнуть, ни вздохнуть не мог. Все, что оставалось делать, так это смотреть на то, как двое оперативников режут на куски перевертыша, ставшего позволять себе слишком много шалостей с чужим имуществом. Ну, я тогда так думал и здорово удивился, что его на ломти пластают за вроде бы не самые серьезные прегрешения. Про трех девушек, которых он придушил двумя годами ранее, мне было ничего не известно. Но знай я про данный факт, шиш бы

взялся ему помогать. Что там – наверняка сдал бы тому же Ровнину, причем просто так, без гонорара и преференций. У меня, знаете ли, тоже есть принципы, я не люблю, когда убивают девчонок, которым жить да жить еще.

Кстати, отдельные мне тогда по этому поводу поверили сразу, без проверок, чем сильно удивили. А руки-ноги, которые сухенькая Павла Никитична мне согнула почти «ласточкой», потом еще неделю ныли. По слухам, она сотрудником числилась с той поры, когда 15-К являлся одним из отделов НКВД, и после того случая я в них верю. В те времена сотрудники ставку делали на эффективность, а не многотомную писанину, как сейчас.

– За встречу! – Мы чокнулись с Ровниным краями медных чаш и опустошили их до дна, а после я навалился на еду. Больно уж все выглядело и пахло аппетитно, а у меня с завтрака маковой росинки во рту не было.

Праздник тем временем шел своим чередом, один за другим гости говорили длинные витиеватые речи, смысл которых сводился к тому, что именно благодаря Газвану все еще существует Москва, стоят в Азии горы и вертится наша планета. Если бы не было его, то все, кранты, миру конец.

Отметились в этих славословиях и мы с Ровниным, сначала он, потом я. Ясное дело, переплюнуть предыдущих ораторов нам не удалось, для этого надо родиться там, где растут чинары и вода журчит в арыках да кяризах, но и лицом в грязь не ударили.

Чем дальше, тем громче были разговоры, все чаще слышался звон чаш, соприкасавшихся друг с другом, а как в центр зала выбежали несколько танцовщиц в шальварах, вуальках и со звенящими монисто на бедрах, так и вовсе народ раздухарился. Да я и сам с интересом смотрел на происходящее, осознавая, что к той, с «трешечкой», что приятно для глаза покачивается в ритме танца, я бы, конечно, подкатил, случись такая возможность. А возможность – такая штука, которую, главное, не проморгать.

– Э, слышь, ты зачем так на ту женщину смотришь? – Мне на плечо опустилась волосатая рука. – Не надо так на нее смотреть. Она со мной!

– Все эти красавицы приглашенные артистки, так что вряд ли какая-то из них пришла с вами, – заметил Ровнин, глянув на того, кто стоит за моей спиной. – А это друг хозяина стола, так что вы поступаете очень неразумно, милейший. Не стоит хамить незнакомцам, подобное может выйти боком.

– Молчи, не с тобой говорят! – Рука сжалась сильнее. – А ты сам разве не мужчина? За себя постоять не можешь?

– Макс, тебя провоцируют, – заметил Ровнин, подливая себе вина. – Причем настолько безыскусно и напоказ, что я очень удивлен.

– Спасибо, кэп, – произнес я. – Но, с другой стороны, что за праздник без драки, да?

Глава 3

– Драться с тобой? – гортанно сообщил мне тот, кто стоял за спиной. – Хэ!

– Руку убрал, – решил, что, если уж пошла такая стереотипная пьянка, надо резать последний классический аргумент. – Слышь?

– И это я капитан Очевидность? – хмыкнул Ровнин. – Ну-ну!

Я резко поднялся на ноги, чего, кстати, никто не заметил. Дело в том, что в этот момент музыканты заиграли зажигательную восточную мелодию, и чуть ли не половина изрядно подгулявших гостей ломанулась в пляс, под радостное улюлюкание именинника. Вокруг полуобнаженных красавиц затопали ногами восточные мужчины – с бусинами пота на лбу, огромными животами, красными лицами и огнем в глазах.

– Ты прямо дерзкий, да? – недобро блеснул глазами совсем еще молодой армянин с синевато-черной щетиной на лице. – А за слова свои готов ответить?

Я его не знаю, даже не видел никогда. И с соотечественниками его дел никаких давно не имел, если не считать того, что время от времени захожу в магазин «Хамегх», что рядом с моим домом. Его хозяин Нарек, как и все армяне, прирожденный креативщик, потому просто перевел слово «вкусно» на русский язык и сделал его названием своей продуктовой

лавки. Необычностью берет, короче говоря. У всех «Одуванчики» да «Алины», а у него «Хамегх», прости, Господи.

Впрочем, хлеб у него всегда вкусный, это правда. И компоты в литровых бутылках тоже.

– Слушай, давай я тебе быстро что-нибудь сломаю и пойду танцевать? – Мне вдруг отчего-то стало скучно. Цирк какой-то, разводят, как мальчишку. – Как тебе такое предложение?

– Пойдем, – оскалился паренек, развернулся и пошел к выходу из зала.

Господи-боже, у него еще и мокасины красные. Как есть паноптикум!

– Составить компанию? – спросил Ровнин и поправил очки в роскошной оправе.

– Думаю, управлюсь, – отказался я. – Ну, будет там еще трое таких же, и что? Дел на пять минут.

Не скажу, что я прямо Ояма Масутацу, но подраться умею, а иногда даже и люблю. Впрочем, если что, если дело примет совсем невеселый оборот, у меня еще есть двенадцатизарядный аргумент под мышкой. Легальный, с разрешением и всем таким.

Впрочем, до пальбы дело вряд ли дойдет. Драка, может, и сойдет с рук тому, кто это все затеял, но если случится что-то похлеще, то Газван все свое влияние пустит в ход, но найдет поганца, посмевшего испортить ему праздник. Обида гостя – оскорбление из числа непросщаемых, так что волновать-

ся не за что. Так, помнем друг другу морды, да и все.

Нет, можно было бы его просто послать, разумеется. Все эти «ты не мужчина» и так далее меня давным-давно не трогают. Собака лает, ветер носит... Просто интересно, в чем тут дело. «Обратка» это или просто кто-то из тех, кто сейчас сидит здесь, за столом или весело пляшет в зале, развлекается. Может, Омар? Он недобро на меня поглядывал, я заметил. Не может простить того, что я его сыну Юсуфу помог решить проблемы с налоговой, после чего он все же смог сберечь, а после и укрепить свой собственный бизнес, потому не вернулся в лоно семьи?

Или Азиз? В том году я у него из-под носа увел набросок «Медузы» Караваджо, который невесть какими путями занесло в столицу. Оригинал висит во флорентийском Уфици под неусыпным контролем тамошнего Братства Неспящих, а единственный уцелевший пробник будущего шедевра, тот, что в свое кардинал Франческо Мария дель Монте, собственно, и заказавший мастеру эту картину, подарил своему приятелю Галилео Галилею, вот – у нас всплыл. Вещица непростая, с ней много чего учудить можно, в основном по части внезапных и загадочных смертей. Оригинал, конечно, покруче работает, но и набросок непрост.

Я в данную историю тогда случайно вписался, но, когда разобрался что к чему, решил сыграть на этом поле. А почему нет? Азиз мне никогда не нравился, очень уж жаден и хитер. С другой стороны, что ждать от мастера амулетов

с тотемным знаком «змея»? Доброты, открытости и мягко-сердечия?

Хотя, правды ради, амулеты и талисманы, вышедшие из его рук, очень хороши и своих денег стоят. Одно плохо – их привязывают к владельцу, а со мной Азиз и до того никаких деловых отношений иметь не хотел.

Только странно одно – азербайджанец подписывает армян на тему разборки? Не думаю. Впрочем – почему нет? Я не поверил, и никто не поверит. Что до остального – вопрос, как всегда, только в одном. В цене.

Да! набросок, что я увел из-под носа у всех, кто за ним охотился, теперь лежит в моем личном тайнике. Было дело, пытался у меня его отдел выцыганить, причем, как всегда, за «спасибо», апеллируя к гражданскому самосознанию, но я им фигу показал. Перетопчутся. Опять же – авось зачем и когда пригодится, как тот кинжал, что я сегодня Газвану подарил.

Вот так, размышляя о том, кто же именно мне, плюнув на то, что это харам, подложил свинью, я вышел из зала, следуя за нахальным юношей. Он бодро протопал через пустынный холл и свернул в какой-то закуток, которых в этом здании, построенном еще в советские времена, хватало. Ну как закуток? Скорее, совсем небольшой вытянутый зальчик с тремя колоннами, которые в старые времена втыкали куда можно и куда нельзя. Наверное, мода такая была. Не знаю, не жил тогда.

– Ну и что ты мне хотел сказать, дружок? – поведя до треска шей, осведомился у него я. – А? И где верные друзья?

– Не я хотел, – белозубо улыбнулся армянин. – Они! Хэ!

В тот же миг на мои плечи обрушилась тяжесть, причем шагов сзади я не услышал, что очень странно. Слух у меня отличный, не сказать – уникальный. Да и опыт в таких вопросах немаленький, уж поверьте. Да, парень ведет себя как клоун, но это не означает, что я прямо сильно расслабился.

Кстати, моего спутника уже след простыл, только шлепанье подошв красных мокасин по плитке пола послышалось. Впрочем, мне было уже не до него, поскольку я понял, кто именно сиганул на меня сверху. Как? Да просто. Его спутников увидел. Да, лица были скрыты под балаклавами, видны лишь глаза да рты, но для оценки ситуации и этого достаточно. К тому же парочка, вышедшая из-за колонн, особо свои клыки и не прятала. Скорее, наоборот, напоказ выставляла, давая мне понять, с кем я встретился.

Вурдалаки, мать их. Это что за хрень творится? Охотиться вот так, влегкую, на чужой территории? А в том, что они не местные, я уверен на все сто. Кузьминки – зона контроля семейства Марго, а с ней у меня все ровно. Можно сказать, что мы почти друзья, с учетом того, разумеется, насколько смертный может přátельствовать с вурдалаком.

Того, кто угнездился у меня на спине, я успел сбросить в самый последний момент, его клык уже почти вошел в мою

шею. Здоровый, черт, какой!

Кровопивец ударился о стену, негромко матернулся и резво поднялся с пола, двое же других бросились на меня.

Одного, невысокого, худенького, который метнулся в прямо каком-то кинематографическом прыжке, только что без «слоу-мо», я подхватил под мышки и впечатал в его же собственного приятеля, который следом за этим с руганью снова повалился на пол, но вот второй сцапал меня в объятья, зафиксировав руки. Ну да, я, конечно, саданул лбом ему в лицо, но этой публике такие удары – что слону дробина. Не чувствуют они обычной физической боли, потому как мертвым до нее дела нет.

Как я вывернулся из его цепких клешней – сам не понимаю, но все же мне это удалось. Мало того – нашлась секундошка на то, чтобы достать пистолет. Лучше бы, конечно, получить тех секунд с десятков, чтобы успеть выскочить из узко-полутемного зальчика в холл, на оперативный простор, но подобная роскошь, увы, сейчас мне не по карману. Только полный идиот к немертвым тварям спиной повернется, это верная смерть. Оно, конечно, и здесь шансов не то чтобы много, но они хоть есть. А так совсем не станет.

Первый выстрел, понятное дело, вурдалаку, который снова нацелился на мою шею, никакого вреда не принес, а вот после второго он злобно зашипел и прижал руку к глазнице, которую разворотила пуля. Кулаком, да и сталью их не зацепишь, это верно, но серебро эта публика сильно не любит.

Убить она их не убьет, да и выбитый глаз через неделю у него уже восстановится, но сейчас ему очень, очень дискомфортно. И видимость нарушилась, и ощущения сильно так себе. Жжет в глазнице ой как!

У меня в обойме пули заряжены через одну – свинец-серебро. Никогда не знаешь, как дела повернутся и с кем придется на узкой дорожке сойтись. Если человек, так его серебро убьет не хуже стали, а если вот такая пакость, то это небольшой козырь, который в результате может выручить.

На звуки выстрелов, естественно, никто не прибежал и кричать «Что вы тут творите, я полицию вызову!» не начал. Ресторан закрыт на спецобслуживание, весь персонал за малым исключением распушен, даже отчасти кухонный. Газван не любит чужих глаз, потому и холл, по которому мы шли, был абсолютно пуст. Разве что на входе стоит охрана из верных нукеров, да и то не факт. Ну а в зале музыка громыкает так, что хоть из гранатомета пали – толку будет ноль.

Короче, если на кого и надеяться, так только на себя. Как, впрочем, всегда.

«Кольт» сухо кашлянул еще два раза, но вот досада – вторая серебряная пуля ушла в потолок, осыпав каменной крошкой меня и вурдалака, который, не вставая с пола, ужом метнулся ко мне с тем, чтобы подсесть ноги.

– Держи крепче! – взвизгнул худенький так, что мне сразу стало ясно – девка. Странно, что сразу это не определил, по легкости и вертлявости. – Сейчас я его!

Здоровяк выполнил ее приказ, навалившись на меня всей тушей, да еще и должок вернул, боднув лбом в лицо. Во рту стало солоно. Мало того – он сжал кисть моей руки с такой силой, что пистолет в ней удержать не было никакой возможности.

Ну все, в Вальгаллу я теперь точно не попаду. Не выдают воинам, что не удержали перед смертью оружие, такую привилегию.

А жаль!

– С того света вернусь, – сообщил я им. – Слово даю!

– Вернешься – еще раз убьем, – пообещала вурдалачка, нежно, чуть касаясь, провела пальчиком по моей шее и нагнулась пониже. – Только вряд ли получится. Все грозятся, но пока никто с той стороны не пришел. Видно, двери там хорошо закрыты. Ай!

Тонкое, почти игольное лезвие сверху вниз прошило мою потенциальную убийцу, от плеча до кишок. Причем то место, где оно вошло в мертвую плоть, мигом немного обуглилось, мне с пола это было отлично видно.

– Совсем страх потеряли! – впервые слышу столько эмоций в голосе Ровнина. Он на них скуп, это известно почти всем, кто живет в Ночи, причем настолько, что ведьмы, острые на язык, дали ему прозвище Степенный. – Забыли, как мы вас гоняли, гниль могильная!

Звук удара, и я понимаю, что меня никто не держит. Еле слышный свист, и голова крепыша, который секундой

ранее прижимал меня к полу, слетает с плеч, а туловище валится в сторону той стены, о которую я его уже дважды приложил. Ничего себе, это чем же Олег Георгиевич их так уродует? Я тоже такой девайс хочу. Вещь!

– Уходим! – снова перешла на визг вурдалачка и, привлекая ногу, устремилась к выходу, за ней последовал напарник, зажимая ладонью изуродованную глазницу, но при этом сделав все, чтобы разминуться с Ровниным.

Легкая вспышка, и от тела безголового кровопивца остается только кучка серого вонючего пепла.

– Безобразие! – проводил их взглядом Олег Георгиевич, после чего нагнулся и подобрал с пола зонт, у которого не хватало ручки. – Надо будет собрать глав семей, что ли, на беседу. Или не тратить слова и время, а устроить реконструкцию двухтысячного года?

Я за последнее предложение, признаюсь честно. Нет, среди вурдалаков встречаются и нормальные особи, но все реже и реже, потому большая резня вроде той, что случилась на заре нового века и крепко сократила популяцию кровососов на улицах столицы, послужит не только эффективным средством внушения, но и некоторую селекционную функцию выполнит. Все умные и опытные вурдалаки почти наверняка выживут, особенно те, которым на ушко заранее об этом шепнут. А наглая и глупая молодежь вроде этой троицы... Чего их жалеть?

– Если надумаете, то можете смело рассчитывать на ме-

ня. – Подняв пистолет с пола, я с интересом глянул на то, как начальник отдела вставляет в зонт упомянутую рукоять, из которой торчит очень узкое лезвие светлого металла. – Серебро?

– Не совсем, – качнул головой Ровнин. – Сплав плюс руны. Что облизываешься? Тебе такого не видать, штучное изделие. И мастера этого уже в живых нет, так что даже не шустри. Лучше скажи – кому ты так насолил, что эта троица по редкостной нахалке тебя выпить надумала?

– Олег Георгиевич, хочешь верь, хочешь нет – сам не знаю. Вроде ни с кем не собачился. А с Марго, что в этих краях обитает, сроду трений не случилось.

– Верю. Она на редкость вменяемая мадам, не отнять. Но только вот какая штука – тут не импровизация класса: «а давай его здесь и сейчас». Место выбрано заранее, с умом, подставного болвана приготовили, то есть знали, кого и как сработают. Меня только в расчеты не приняли, на чем и погорели. Так что думай, поскольку...

– В следующий раз вас рядом может и не оказаться, – закончил я за него. – Знаю, потому пойду сейчас комедь ломать. Пускай проблема сама себя ищет, так оно быстрее выйдет. Подыграете маленько?

– Комедь – это хорошо, – кивнул Ровнин. – Только не пережми, хорошо? Без истерики и особых угроз. Самвел тоже завестись может. У него характер – огонь.

Если в отделе и есть что хорошее, так это их начальник.

С ним работать – одно удовольствие, все понимает с полуслова. Еще бы ему таким хитровыдуманным не быть... Хотя они все там такие.

Музыка в зале стала тише, народ вернулся к столам, на которые как раз водрузили блюда с тремя здоровенными барашками, зажаренными целиком. Надо полагать, они знаменовали апофеоз застолья.

– Держи подарок. – Я подошел к лысому коренастому мужчине с большими костистыми ушами, прижатыми к черепу, и кинул на стол «балаклаву», угвазданную пеплом. Именно за эти уши все, кто не относился к племени кровопивцев, данного господина называли Носферату. За спиной, естественно, в лицо такое Самвелу Саркисяну, повелителю одной из самых крепких московских вурдалачьих семей новой формации, мало кто отважится заявить. – Скажи, твой молодняк совсем свихнулся?

– Объясни, – потребовал Самвел, повертев в руках черную шапку, а после отбросив ее в сторону, на пол. – И потише. Не люблю, когда кричат.

– Все просто. Из любителей крови кроме тебя здесь никого нет, а без свиты ты из дома не выходишь, это всем известно.

– И?

– Меня только что там, в холле, чуть не пустили на корм три вурдалака. Еще какие-то вводные нужны или этого хватит?

И я сплюнул на пол кровь, которую перед этим добыл из разбитой губы, потеряв язык.

— Что? — взревел Газван, вскакивая с места. — В моем доме моего гостя? Даже нет — моего друга!

Если он сейчас еще и «брата» скажет, то не удержусь от смеха. А потом поеду в Иран выяснять, нет ли там каких корней моего рода.

— Подтверждаю, — вступил в беседу Ровнин, стоявший за моей спиной. Он уже где-то оставил зонтик, зато раздобыл чашу с вином. — Если бы я не подоспел, то сейчас там лежало бы тело Максима, неживое и пустое, как шаманский бубен. Эти ребята определенно хотели сообразить его на троих.

Говорю же — Олег Георгиевич из каждого слова выжмет. Он только что сообщил при свидетелях, что спас мою жизнь, а подобная услуга, озвученная публично, требует непременно ответного реверанса в виде аналогичного поступка или нескольких других, попроще. Нет, можно и не возвращать, но все будут знать, что ты далек от такой вещи, как глубокое уважение.

— Я один, — встал со стула и Самвел. — Я ехал на день рождения к другу, зачем мне охрана? Со мной только водитель, но он сидит в машине, больше никого. И потом — зачем мне тебя убивать, инчо? Ты мне зла не делал, долгов за тобой нет. Мне не нужна твоя жизнь.

— Ай, какая разница! — перебил его Газван. — Ты, не ты... Моя вина! Я думал — тут только те, кто мой друг, все будут

есть, пить, веселиться! Охрана? Для чего?! И вот результат.

– Человек жив – и ладно, – сказал кто-то из гостей. – Всякое бывает.

– Может, залетные? – раздался еще чей-то голос. – Мало ли?

– К этому русскому человек крови Самвела подходил, – возразил мой сосед по столу слева, тот, которого я не знал. – Сам видел. Говорил плохие слова.

– Ай, нехорошо!

– Теперь Самвелу придется доказывать, что это не он.

– Узнаю, кто это все устроил, – хмуро пообещал глава вурдалачьей семьи, глядя на меня. – Слово. Потому что мне не нравится это «ты, не ты». Когда я – тогда я. А когда нет, тогда все станут говорить о том, что семья Саркисяна забыла о правилах приличия... Мне такое ни к чему.

– И приведешь их ко мне, – сказал Ровнин, бросив в рот виноградинку. – Вы стали слишком часто лить кровь просто так, Самвел. Ну-ну, не супь брови, не конкретно ты. Вурдалаки в целом. Расслабились, поверили в то, что на дворе новое время, забыли о том, что есть не только Покон, но и Закон. Виновных мы покараем сами, а остальные пусть знают – время, может, и новое, но когда кое-кто перестает видеть границы, то поступят с ним по-старому. Посыл ясен?

– Предельно, – совсем помрачнел Саркисян, и его можно понять. Он тут ни при чем, но случись конфликт вурдалаков с отделом, то именно его сделают крайним. Его голова станет

платой за мир. Его и его семьи.

– Докажи, что это был кто-то не из твоих, и претензии будут сняты, – добавил я, поняв, что мой собеседник сейчас покинет зал. – И еще, говорю при свидетелях: если меня не станет до того, как это случится, все будут знать, кого в этом винить.

А почему нет? Лишняя охрана не помешает, пускай молодцы Самвела меня попасут до тех пор, пока ситуация не прояснится. Ведь меня на самом деле хотели убить, и, подозреваю, желание завершить начатое у уцелевших вурдалаков никуда не денется.

– Ты знаешь, что я ни при чем, – ткнул меня пальцем в грудь Саркисян, а после обвел рукой зал. – Вот из них многие – нет, а ты – да. Но ты хочешь так. Ладно, пусть. Но некрасиво поступаешь. Нехорошо.

– Если я неправ, то извинюсь, – невозмутимо ответил я. – Никто не может сказать, что Чарушин не платит долги или не признает ошибки.

– Подтверждаю, – подал голос Газван. – Иначе он не сидел бы за моим столом.

– Может, тот дурачок, что приходил сюда и устроил конфликт, еще жив, – поправил очки Ровнин. – Вряд ли, но кто знает. Начни с него.

– Разберусь, – пригладил волосы Самвел. – Сам, лично. И без вас особенно. Газван, еще раз с днем рождения. Извини, но мне пора.

– Понимаю, – кивнул именинник и уселся за стол. – Спасибо, что пришел, спасибо за добрые слова и подарок.

А угощения в дорогу, традиционного для таких мероприятий, похоже, Саркисяну никто не поднесет. Уверен, что Газван не хуже меня понимает, что вурдалак к случившемуся отношения не имеет, но тем не менее если он его и не списал уже в утиль, то в благополучном разрешении ситуации до конца не уверен. Да и сам еще не решил, счесть случившееся личным оскорблением или нет. Плюс его смутило вмешательство Ровнина и не слишком скрытый намек на события четвертьвековой давности. Ну а если все и обойдется, так небольшую неучтивость всегда можно списать на волнение и опечаленность по поводу сорванного праздника. Да и поднимать данную тему никто не станет на самом деле. Нет, все всё видели, отметили и запомнили, но далее – тишина. Это у нас все чувства напоказ. Нам надо проораться, выяснить здесь и сейчас, наговорить друг другу гадостей, в случае супружеских разборок даже посуду побить, а после помириться и наутро все забыть. На Востоке все происходит тихо, никто не топает ногами, не стремится доказать свою правоту в моменте, не размахивает руками и не сулит все беды, что есть на свете. Нет, глупая молодежь, конечно, и не на такое способна, но те, кто реально может создать проблемы, как правило летального характера, не шумят и не скандалят. Напротив, они тебе улыбаются, они тебя даже на прощание обнять могут. Но надо точно знать – тут никто нико-

гда ничего не забывает. Ни через год, ни через сто лет. Серьезные обиды могут идти через поколения, и, если не ты, так твои дети или внуки получают свое от детей и внуков тех, с кем ты закусился сегодня. Ровно тогда, когда никто этого не будет ждать, и в тот момент, который будет идеален для расчета.

И Самвел мне ничего не забудет, можно даже не сомневаться. Нет, никакой страшной мести здесь не последует, слишком мелок повод для таких действий. Но вот если я, к примеру, буду висеть на веревке над пропастью, а у него будет выбор – вытащить меня на твердую поверхность или эту веревку перерезать, то он гарантированно сделает последнее, даже несмотря на то, что мое спасение может принести ему некоторые дивиденды, весьма недурственные. Причем это честно и справедливо, он воздаст мне подобным за подобное. Я же сейчас тоже мог его не провоцировать, верно? Но мне выгодно, чтобы сбежавших засранцев искали свои же, оно получится быстрее, проще и дешевле, потому мы с Олегом Георгиевичем закрутили эту карусель.

И он это понял, причем прекрасно.

– Люблю кушать барашка, – сообщил мне Ровнин, когда мы уселись на свои места. – Особенно если он правильно зажарен. Давай тарелку, Макс, поухаживаю уж за тобой. Как-никак ты только что пережил стресс.

– Не скажу, чтобы очень сильный, – усмехнулся я. – Удивления было больше, чем страха. Да и сейчас, если честно,

оно никуда не делось. Всех в памяти перебрал, а понять, откуда ноги растут, не могу. Ладно бы еще оборотни были, их хоть как-то можно пристегнуть, но вурдалаки? Да еще вот так, почти днем, на таком мероприятии... Бред, и только.

– А когда ты успел с оборотнями разругаться? – удивился Ровнин, ставя передо мной тарелку с изрядным куском баранины. – Вернее с кем?

– Так с Порфирием, – не стал скрывать я, берясь за вилку и нож. Нет, многие за столом приборами не пользовались, очень ловко поедая мясо при помощи рук и лепешек, при этом умудряясь как-то не изгваздаться жиром. Я так точно не смогу, подобные умения передаются с генетическим кодом. – Отказал ему в помощи месяца два назад. У него из общины двое молодых ребят смылись, забыв попрощаться и с сородичами, и с ним самим. Само собой, старый хрен мигом взбесился – тут и характер, который не сахар, и возраст, и, главное, репутационный момент. Если молодняк валит куда подальше, то это остальным о многом может сказать.

– Ну да, ну да. – Ровнин разорвал круглую лепешку и, ловко используя корку, не хуже, чем соседи по столу, отправил в рот кусок мяса. – Сначала слух, потом суждение, и не успеешь обернуться, как молодой и наглый оборотень кинет вызов изрядно одряхлевшему Порфирию. И все – либо дерись, либо уходи, становись шатуном-одиночкой. А почему отказал-то?

– Времени не было. Да и желания тоже, – пояснил я. – Эта парочка, может, уже на Урале или в Забайкалье. Вот мне делать нечего, только по лесам за двумя косолапыми бегать. Опять-таки, он же их не вернуть хотел, а убить. В открытую, конечно, говорить такое не стал, но намек был более чем прозрачен, а это не по мне. Ребята сделали свой выбор, что их теперь, за личную точку зрения к смерти приговаривать? Не десятый век на дворе, двадцать первый. Да и потом – я не палач, Олег Георгиевич. Не был им и не буду, что бы там себе этот старый мохнатый хрен не думал.

– Кровь на твоих руках есть, – вытер рот мякотью лепешки начальник отдела. – И ее не так уж мало.

– Была бы там хоть одна праведная капля, вы бы меня уже давно списали в расход, – усмехнулся я. – Да, убивал. Но всегда по делу или защищаясь.

– Так что Порфирий? – признав мою правоту, вернулся к теме разговора Ровнин.

– Набычился, проворчал что-то ругательное, да и ушел. Уверен, что теперь время от времени он представляет себе, как меня жрать станет. Сначала поломают как следует, вопли послушает, потом живот когтями вспорет и в лесу под корягу засунет, чтобы я подтух, подгнил и стал вкуснее.

– И не страшно? – Само собой, мои слова аппетит Ровнину не испортили. Он и не такое видел.

– Не-а, – мотнул головой я. – Он так и будет мечтать дальше, но что-то сделать... Вряд ли. Порфирий в самом деле

здорово сдал и одряхлел, это чистая правда. Потому и молодые смылись, побоялись, что он их втихаря удавит. Не из зависти, из страха. Они же через год-другой ему реальными конкурентами станут, это и Порфирию понятно, и всей общине.

– А, теперь ясно. – Олег Георгиевич вытер пальцы салфеткой. – Вот где корни гуманизма. Кто-то из этой парочки рано или поздно станет вожаком стаи и не забудет о том, что некий консультант по сложным жизненным ситуациям некогда не стал его искать и убивать. Неплохой ход, Макс. Неплохой.

– Но при этом гуманизм тоже не на последних ролях, – я стукнул кулаком в грудь. – В моем сердце, имеется в виду.

– За гуманизм! – поднял чашу вверх начальник отдела. – И дело мира!

– Красиво сказано. За них! – согласился я, и следом за тем раздался певучий звон меди, который издали соприкоснувшиеся емкости.

– Спрашивай, – через какое-то время, когда количество мяса в наших тарелках изрядно уменьшилось, добродушно разрешил мне Ровнин. – Что хотел? Вижу, есть у тебя какой-то вопрос за пазухой.

– Есть. Олег Георгиевич, а что ты знаешь об Игнате Троянове? Я просто разное слышал, кто что говорит.

– А именно? – ответил вопросом на вопрос мой собеседник.

– Одни говорят, что Троянов чуть ли не наследник кудесников древности и знает такое, чего никто не знает; другие уверены, что он жулик, на котором клейма ставить негде; третьи вообще его за психа держат. Вот и хотелось бы понять, кто ближе к истине. Вы наверняка с ним сталкивались, какое-то мнение составили.

Этот Троянов и являлся тем самым третьим рекомендатом из письма. Изначально я решил на него забить болт, но раз подвернулась возможность, так чего бы и не навести справки у сведущего человека? Всей правды начальник отдела мне не скажет, само собой, но она мне и не сильно нужна. Хватит и части.

– Если этот господин тебя интересуется с позиции бизнеса, то не рекомендую. – Ровнин достал из чехла трубку и табак, расторопный официант из местных тут же поставил перед ним пепельницу. Ну да, закон есть закон, но в некоторых случаях его можно и нарушить, Газван слишком щедрый и хороший клиент, чтобы с ним ссориться из-за таких мелочей. Впрочем, не исключено, что это вообще уже его ресторан, полностью или отчасти. Я лично этой новости не удивлюсь. – Он патологически жаден. До всего – деньги, слава, знания, женщины. Сначала все соки из тебя вытянет, а потом замучается из него плату выбивать. Даже ты. Знаешь, когда общался с ним, то подумал, что уход старых богов, возможно, одно из лучших событий в нашей истории. А если они все такими были, как этот тип?

Штука вот в чем. Тот, о ком мы говорим, если верить слухам и кое-каким свидетельствам, приходится наследником Трояну, одному из старых славянских богов. Не главных, второстепенных, но все же. Отвечал этот Троян за лекарство во всех его проявлениях, от траволечения до волшебства, и родителем имел самого Велеса.

Само собой, это все невероятно тешило раздутое до предела эго господина Троянова.

– Да, слышал я про то, что он тип на редкость отвратный, – подтвердил я. – Но он живет не на отдельной планете, а в нашем мире, значит, общим правилам подчиняется. Я к чему: в целом его слову верить можно?

– Если под клятву – наверное, – подумав, ответил Ровнин. – Если нет – не знаю. А что у тебя к нему за дело? Поделись, глядишь, чего и посоветую.

А вот это нет, Олег Георгиевич. Я тебя уважаю и за помощь благодарен, но делиться с тобой подробностями о полученном письме точно не стану. Конфиденциальность есть конфиденциальность, даже если договор еще не подписан.

Праздник, как и день, потихоньку близился к концу. Начали разъезжаться гости, унося с собой кто бумажную коробку с пахлавой, кто корзину фруктов, а кто и снедь посущественнее. Отбыл и Ровнин, получив в дар два кувшина вина, причем каждый литра по три. Впрочем, ничего особенного, такой это человек. Он всегда получает то, что хочет. Сам тому свидетель, да и рассказов о нем немало ходит, которые

этот факт подтверждают.

А чем я хуже? Ну ладно, на Троянова этого надежды сразу не было, но двух других опросить-то можно? Ну или хотя бы одного. Тем более что как раз сейчас самое для того время. Надо только с Газваном попрощаться, и можно вызывать такси.

Глава 4

– Поверь, Максим, моему сожалению и стыду нет границ, – басил дэв, прижимая волосатые лапищи к груди. – Гость пришел на мой праздник, а я допустил, что ему обиду нанесли! Это позор, позор...

И столько искренности было в глазах и голосе, что кто-то другой, не так хорошо, как я, знающий дэвье племя, мог бы поверить в правдивость этих слов. Впрочем – нет, конечно же Газвану не все равно, репутация есть репутация, да и от меня пользы ему еще немало могло случиться. Но смею заверить, что повернись удача там, в холле, ко мне спиной, он бы забыл об этом еще до того, как мое тело легло в землю. Ну, может, венок к похоронам прислал бы, да и то не факт. Хотя нет, прислал бы, это красивый жест. Не для других, для себя.

Причем винить его в этом сложно. Повторюсь – Восток есть Восток, там другое отношение к жизни и смерти в целом, а также полезности человека в разрезе этих двух понятий. Особенно если речь идет об отношениях людей и тех, кто таковыми не является. В свое время, когда мое агентство только-только начинало работать, я много шишек набил как раз на этой теме. И верил тому, кому верить не стоит, и влезал туда, куда не следует, не понимая, что никого за мной нет, а все эти «брат, если что, я за тебя горой вста-

ну» – это просто слова, которые стоят не дороже порыва ветра. Как мне тогда удалось уцелеть и подняться – сам до сих пор осознать не могу. Может, сработал древний принцип, гласящий, что дуракам везет? Или ворожил кто? С учетом специфики моей работы такое запросто может случиться. Но тогда почему счет после предъявлен не был?

Но при этом в данный момент я кивал, всем своим видом давая понять имениннику то, что принимаю его извинения и сам расстроен случившимся.

– Так бывает, Газван, – дождавшись окончания пространственных речей, произнес я. – Есть те, кто безразличен и к чужой радости, и к чужому горю, тебе ли этого не знать? Они плевать хотели на то, что твое имя будет втоптанно в грязь. Таких много...

– Много, – кивнул дэв.

– И рядом с тобой такие есть, – печально вздохнул я. – Хоть бы Рабих, которого ты прислал ко мне недавно. Твое имя открыло ему двери в мой офис, я сделал все, что он просил, причем даже без аванса. А как иначе? Ведь за ним стоишь ты, а значит, мне волноваться не о чем.

– Истинно так, – насторожился Газван. – И что же?

– Ничего, – развел руки в стороны я. – Он пришел сегодня, говорил что-то о том, что оплатить мою работу не может, приплел сюда своего дедушку, не желающего расставаться с оговорённым гонораром, потом клыки начал скалить, что совсем уж смешно.

– Так-так. – В глазах дэва блеснули красные огоньки.

– У меня его амулет, – уже без всякого наигрыша, деловито сказал я. – Если через неделю не будет гонорара, то он окажется в плавильне. Все же это твоя протекция, потому говорю об этом здесь и сейчас. Не хочу, чтобы случившаяся с Рабихом неприятность стала для тебя сюрпризом. Отдельно замечу, что непосредственно к тебе у меня ни малейшей претензии нет.

– Если этот недостойный с тобой не расплатится, долг верну я. Что до амулета... За него с тебя никто ничего не спросит, ты в своем праве. Обман – грех, за него надо платить по высшей ставке. Неважно, как это называется – Ганон шаб гард или Покон, смысл тут один и тот же: сказал – так делай. Нет – ответь, если надо – жизнью. – После помолчал и добавил: – Да и другим наука будет.

Это он сейчас не обо мне говорит, а о себе. Мол, не думайте даже хоть тень на мое имя кинуть, расплата последует быстро и неотвратимо. И ведь что интересно – этот мой приятель всегда умудряется самые грязные вещи совершать чужими руками. Причем всякий раз вроде как случайно подобное выходит. Хотя, по слухам, пару раз он крепко оскормился, настолько, что чуть под жернова отдела не попал. Но так это или нет на самом деле – не знаю, если что-то такое и случилось, то еще до того, как я стал тем, кем стал.

– Прими на дорогу вот этот скромный дар, друг мой. – Дэв достал из-под стола немаленькую такую корзину, в ко-

торой лежали румяные яблоки, персики, виноград и много чего еще. – Знаю, ты сладкое не любишь, но у тебя ведь есть молодая красивая женщина, которой это придется по вкусу. Э?

– Слушай, я сто раз тебе говорил, что Геля моя сотрудница, и все.

– У меня тоже много кто работает, – хохотнул именинник. – Так что, мне на них не смотреть и их не желать? Угоди ее вот этим сохан асали, вот этой нугой и баклавой, пусть сначала ей станет сладко и хорошо, а потом тебе!

– Да ну тебя, – отмахнулся я, но корзину взял. Нельзя отказаться от дара на дорогу, это может нанести серьезную обиду хозяину праздника. – Какие яблоки здоровенные!

– Хороший сорт, – кивнул Газван, а после, словно вспомнив что-то, хлопнул себя ладонью по лбу. – Вот что еще! Максим-ага, помнишь, мы говорили о трех достойных особах из Северного Хорасана, которые очень хотели бы посотрудничать с тобой в части...

– Не-не-не, – оборвал я его речи, что было, разумеется, не слишком вежливо. – Даже не начинай. С обитателями Туркменистана я дела иметь не стану, это вопрос решенный. Ни сейчас, ни потом.

– Северного Хорасана, – поправил меня дэв. В частных беседах он предпочитал некоторые современные названия заменять на староиранские, лишний раз демонстрируя тем свое происхождение. – И почему так категорично? Это хо-

рошие заказчики, богатые и щедрые. Поверь, они достойно вознаградят тебя за помощь. Да и я в долгу не останусь.

– Деньги – только деньги, Газван, не всё и не всегда определяют именно они. И потом – не мне тебе рассказывать, почему я не желаю сотрудничать с жителями упомянутого Северного Хорасана. Все, тема закрыта.

– Как скажешь, друг мой. – Несомненно, Газван был недоволен моим отказом, но ни жестом, ни интонацией этого не выдал. – Ты в своем праве. Хотя судить обо всех по одному человеку, не знающему, что такое глубокое уважение, – это не слишком верно. Но, как теперь говорят: забыли. Спасибо, что пришел, что слова приятные мне говорил, а еще большее – за подарок! Клянусь, ни один другой мне такой радости не доставил! Только не рассказывай об этом остальным, не хочу их обидеть.

Я попрощался с ним, подхватил увесистую, килограмм на семь, корзину и направился к выходу. И вот чего мне с ней делать? Выбрасывать жалко, с собой тащить глупо, там, куда я собрался наведаться, она будет помехой. Стало быть, придется заезжать в офис, перегружу содержимое в холодильник. Хорошо хоть, что он по дороге.

– А вот ежели к большому колесу приделать маленькую круглую штуку, а через нее пустить веревку с ведрами... – услышал я голос домового, как только вошел в офис.

– Сенька, не плющ мне мозг, – перебила его Геля, которая, к моему великому удивлению, была еще на работе. –

Хочешь пить – вон кулер. Хочешь больше воды – в кране ее хоть залейся. Какие ведра? Кому они сейчас нужны?

– Вот так, Арсений, – как водится, немного желчно вставил свою реплику и Модест Михайлович. – Твой полет мысли с веревками и ведрами в очередной раз разбился о прогресс, людской прагматизм и нежелание слушать кого-либо, кроме себя самого.

– Гель, ты чего тут до сих пор? – вошел я в приемную, где и собралась небольшая, но дружная компания. – Вроде с утра мне говорила о том, что куда-то там собираешься. То ли на днюху, то ли вообще за город с друзьями.

– Собиралась да не собралась, – ответила мне девушка. – А это ты чего принес?

– Газван передал. – Я поставил корзину на стол. – Фрукты и национальные лакомства. Кстати, персонально для тебя. Сказал, что такой сладкой ханум, как ты, следует дарить все только самое лучшее.

– Он толстый и стремный, так что пусть даже ни на что не надеется, – секретарша привстала и начала копаться в содержимом подарка, – но во вкусняшках толк знает. О, персики, как раз сегодня хотела. Блин, тут еще пахлава! Опять! Только-только худеть начала!

– Дары волхвов, – усмехнулся Модест Михайлович. – Ну, разумеется, с поправкой на то, что сделан сей подарок азиатом.

Он сидел в своем любимом кресле, которое находилось

в углу, том, куда даже в самый солнечный день не попадает свет. Как и всегда, на его губах змеилась ироничная улыбка, черные с сединой волосы были безукоризненно уложены, на дорогом костюме не виднелось ни единой замятости, алмазно поблескивала галстучная булавка, нога была закинута на ногу, а рука с золотым перстнем лежала на кругляше на-вершия трости.

– Хороший харч, – сунул тем временем нос в подарок и Сенька. – И корзинка славная, с такой хоть куда, хоть за покупками, хоть по грибы. Ты, Гелька, ее не выбрасывай, ладно? Пригодится в хозяйстве.

– А то у нас здесьхлама мало! – Девушка уже достала из шкафа тарелку и выкладывала на нее фрукты с тем, чтобы пойти и помыть их. – И потом – куда ты за грибами собрался ходить? В сад «Эрмитаж»? Или в «Нарышкинский» сквер? Так они там не растут.

– Об тот год Максим нас в лес возил пару раз, – с достоинством возразил ей домовый. – Или забыла? Мы там и грибы собирали, и мясо жарили. Пикник называется. Хозяин, я вот эту штуку попробую?

– Хоть все ешь, – отмахнулся я. – На здоровье!

– Ешь-ешь, – поддержала меня Геля, а после ткнула Арсения пальцем в пузо. – Главное – не лопни!

Домовой хрюкнул от неожиданности и чуть не выронил ароматную баклаву, девушка же хихикнула и вышла из приемной, держа в руках тарелку с фруктами.

– Что-то случилось? – спросил у меня вурдалак. – С чего вернулся? И еще... От тебя пахнет порохом. С каких пор на именинах стрелять начали?

Чутье у него, конечно, такое, что любая собака позавидует.

– День рождения – что, – усмехнулся я, – так, ерунда. Вот свадьбы иные бывают – там да, такая пальба стоит!

– Темнишь, – отметил Модест Михайлович. – Ну да твое дело.

– Сцепился какими-то залетными, – не стал скрывать я, зная по опыту, что бывший владелец этого дома еще и изрядно обидчив. – Трое молодых и наглых клыкачей хотели узнать, каков я на вкус.

– Однако, – с интересом глянул на меня вурдалак. – И из чьей семьи?

– Понятия не имею, – вздохнул я. – Но повесил эту тему на Самвела, он как раз на днюхе был. Пускай разгребает.

– Зря, – качнул головой мой собеседник, – Самвел злопаметен.

Модест Михайлович не входил ни в одну из вурдалачьих столичных семей и своей не имел, но при этом сам знал всех более-менее влиятельных кровопивцев Москвы, да и сам в этой среде пользовался довольно-таки немалым авторитетом. Впрочем, в последнем ничего особенно странного и не имелось – возраст, связи в Европе и недобрая слава безжалостного и принципиального бойца сделали свое дело.

Насчет последнего, правда, я не очень уверен. Полагаю, это легенда, которую кто-то когда-то зачем-то выдумал, а после она стала фактом, не требующим подтверждения. За все те годы, что мы знакомы, я ни разу не видел, чтобы Модест пускал силу в ход, напротив, он всегда предпочитал решать любой конфликт при помощи разума. Да и было тех конфликтов-то... Нет, время от времени ругается с Гелей, но там все заканчивается тем, что он покидает офис и отсидживается на чердаке, а она через пару дней начинает барабанить по батарее и просить прощения.

– Зато усерден и уперт. Он точно этот клубок разматывает, хоть бы даже из принципа. А на обиды его я чихать хотел, мы все равно с ним дела не ведем.

– Сегодня не ведем, завтра – кто знает. – Вурдалак поступал пальцем по газете, что лежала рядом с ним на круглом стеклянном столике. – Вот и в прессе пишут, что армянская диаспора в столице усиливает свое влияние. А он – ее часть, можешь не сомневаться.

Модест Михайлович при всей своей нелюбви к человечеству всегда внимательно следил за всем, что происходит в стране и мире, причем доверял только печатным изданиям. Интернет он не признавал от слова «совершенно», объясняя это тем, что у бумажных газет хоть какие-никакие редакторы есть, а там все кому не лень строчат все, что им в голову придет. Причем большей частью совершенно безграмотно с точки зрения орфографии и пунктуации.

Именно по этой причине часть коллег-арендаторов посмеивалась надо мной, я был единственным, к кому ежедневно, кроме выходных, заглядывал почтальон, приносящий стопку свежих газет. В наше время подобное являлось нонсенсом.

А что делать? Киосков-то на Садовом почти не осталось, а в тех, что есть, в основном продаются батарейки, китайское «Лего» и груды «глянца».

– Пустое, – отмахнулся я. – Не станет он со мной из-за подобного всерьез бодаться, себе дороже встанет. Кстати! Модест Михайлович, не желаете окунуться в ночную жизнь столицы? Я тут собираюсь наведаться к Арvidу и буду рад, если вы составите мне компанию.

Поименованный господин был одним из немногих, к кому наш сосед испытывал некое подобие симпатии. Он как-то даже удостоил его комплимента, выраженного во фразе: «С ним можно за один стол сесть». Причем тут фигуральности нет, Модест Михайлович крайне разборчив в области общения, он и руку-то не всякому подаст, что уж говорить о застолье, даже с учетом того, что обычная пища ему просто не нужна. Дело же не в ней, не в еде, дело в сакральности самого процесса совместной трапезы, понимание которого, увы, сейчас почти утеряно, как и великое искусство застольной беседы. Наши прадеды точно знали, с кем хлеб ломать можно, а с кем нет, осознавали, что это действие делает всех его участников ближе друг к другу, крошит между ними лед отчуждения.

– Отчего бы и нет? – задумчиво произнес вурдалак,глянув на меня. – Давай прокатимся.

Удивлен. Уверен был, что откажется, сказав что-то вроде «пустая трата времени». И обрадован, что скрывать. Нет, опасности никакой нет, с Арвидом у меня неплохие отношения, плюс ни один вурдалак не станет палить то место, в которое он инвестировал средства. Жадны клыкастые до денег, чего скрывать. Не так, как потомки драконов или, к примеру, синюшка, с которой я года два назад столкнулся под Екатеринбургом. Бажов явно знал, о чем писал, только под конец сфальшивил. Чтобы эта старушка доброй волей часть своего добра отдала какому-то парню, пусть даже веселому и симпатичному? Да сейчас! Скорее, она его в свой колодец утащила бы, тот, на дне которого хватает людских костей и черепов. Не любят синюшки охотников за чужим добром и жалости особой к ним не испытывают.

Впрочем, если к ним подойти по-людски, дать понять, что тебя не интересуют самоцветы и золотишко, то может все обойтись. А если совсем повезет, то она даже ответит на несколько твоих вопросов, причем скажет чистую правду. Нечисть да нежить вообще врет нечасто, а такие, как синюшки, – вообще почти никогда. Уйти от ответа – да, могут, просто промолчать тоже, но лгать? Это нет. Близость к природе и удаленность от городов и на людей-то действуют благотворно, что уж говорить о нелюдях?

– Тогда пошли. – Я потрепал по голове Сеньку, который

уже умял баклаву и сейчас задумчиво смотрел на другую сладость, название которой я не знал, состоящую из орехов, теста и сахарных нитей. — Гельке скажешь, чтобы особо не засиживалась и домой ехала.

Вурдалак поднялся на ноги, одернул пиджак и поправил галстук.

— А вы куда собрались? — вошла в приемную девушка с тарелкой фруктов. — Модест Михайлович?

— В клуб, — с достоинством ответил тот. — Конечно, они теперь не то что раньше: карт, сигар, а самое главное, тишины в них нет, но бильярд у Арвида, насколько я помню, имеется. Только тут другое плохо.

— Что? — мигом спросил Сенька, знавший манеру вурдалака не досказывать фразу с тем, чтобы кто-то поинтересовался у него, что же именно он имел в виду.

— Где найти достойного соперника. Они все остались в той, старой Москве, которой уже нет. А сейчас на дворе век дилетантов, и речь не только о бильярде.

И ведь даже брюзжанием это не назовешь, по сути все верно, поскольку играет он на самом деле здорово. Да какое хорошо? Великолепно он играет. Вот года три назад вышел у меня хороший такой затык с деньгами. Ну, получилось так. Я тогда квартиру купил, все туда ушло, а следом за тем жизнь юзом пошла, словно кто сглазил. Там деньги нужны, тут деньги нужны, машину надо новую покупать, поскольку моя в решето превратилась после стычки с французами

из «Черного октября», да еще налоговики насели в очередной раз и серьезный штраф вкрутили. Тут за дело, спора нет, но вообще они меня очень любят. А когда решают передохнуть, то меня любят пожарники, социальщики и даже Роскомнадзор, хотя, казалось бы, где я и где они? В результате, как и положено, любовь, пусть даже не взаимная, обходится недешево. Короче, сразу все как-то навалилось, и для того, чтобы спокойно работать дальше, потребовалась кругленькая сумма, причем наличными.

Конечно, тогда можно было бы толкнуть что-то из тайника, какой-то амулет или незамысловатый клинок, что решило бы проблемы с кешем с ходу. Да, собственно, я так и собирался поступить, но тут ко мне заявляется Модест, кладет на стол толстую такую пачку купюр и, как всегда надменно, сообщает, что ему эта резаная бумага не нужна, потому я волен с ней делать все что угодно. Хоть на распутных дев спустить, хоть прикуривать от неё. Говорит и выходит из кабинета.

Мне после Арсений рассказал, что наш сосед накануне ночью какой-то закрытый турнир по бильярду выиграл и взял главный приз – кучу денег, кий работы какого-то очень крутого мастера и статуэтку. Деньги отдал мне, статуэтку утопил в Москве-реке, а кий и сейчас у него на чердаке в углу стоит.

Уверен, что Модест тогда впрягся в этот турнир ради нас, но сам он сроду в этом не признается. Да и не надо. И так

все понятно.

– Я тоже хочу в клуб, – возмутилась Геля, после отщипнула виноградину от кисти и бросила ее в рот.

– Душа моя, ты, видимо, не расслышала. – Я несколько раз пальцем щелкнул по мочке уха. – Мы в клуб Арвида едем. Ты же помнишь, кто он такой?

– Конечно, – кивнула девушка. – И что? Во-первых, в таких местах кровь пьют только тех дур, которые сами на это напрашиваются, даже зануды из отдела и те за такое никому ничего не предъявляют. Во-вторых, рядом ты и Модест Михайлович, а с вами никто без важного повода связываться не станет. И потом – там публика нормальная, отморози и наркоты нет. Ну и еще – так-то я личная гостья Арвида. Забыл? Он тогда это при тебе сказал.

Точно, было такое. Прошлой зимой два молодых вурдалака из семьи Ленца попали в неприятную историю, на них хотели повесить смерть молодой девчонки, причем все факты говорили о том, что вина этой парочки несомненна. Арвид пришел ко мне, я, хоть и был очень занят, согласился заняться этим делом и выпросил у отдела, который, само собой, собирался эту парочку отправить в небытие, пару дней на расследование. В результате оказалось, что бедолагу прикончил наемник из людей, которого наняла какая-то таинственная дама для того, чтобы насолить Арvidу. Что за дама, я так и не выяснил, хоть и пытался, а наемника после того, как тот дал показания отделу, выпил лично Ленц. Ну а Геля в том

деле исполнила роль наживки, за что удостоилась похвалы Арвида, упомянутого приглашения в клуб, принадлежащий ему лично, а также денежной премии, которую на следующее утро доставили к нам в контору вместе с огромным букетом роз.

– Не отстанешь? – на всякий случай, без особой надежды спросил я и в ответ получил подтверждающий кивок, говорящий о том, что «нет, даже не надейся». – Ладно, поехали.

– Осталось только Арсения прихватить, – заметил Модест Михайлович. – Что, поедешь с нами?

– Не, – отказался домовой, который эзопов язык не понимал, потому счел слова вурдалака за чистую монету. – Я из дома никуда, у меня задание есть.

– Что не съешь, то в холодильник убери, – строго велела ему Геля, показав на корзину и блюдо с фруктами. – И виноград не трожь, я его сама в понедельник кушать стану. Вон яблоки грызи, в них железа много. Понятно?

– Ага, – кивнул Сенька. – Кроме одного. А зачем в яблоки железок напихали? Чтобы продать подороже?

Клуб Ленца, конечно, был дивно хорош – центр города, здание, представляющее собой, казалось бы, невозможную смесь «хайтека» и старомосковской вычурности, и тот флер элитности, который невозможно не ощутить. Только глянешь на эту красоту и сразу поймешь, отчего Арвида недолюбливают главы некоторых семей.

Ну и, конечно, их бесит тот факт, насколько быстро под-

нялась эта семья, еще года три назад не имевшая и половины того влияния, что у нее есть теперь. Я и сам был изрядно впечатлен таким ростом, хотя более-менее представлял себе, откуда здесь ноги растут. Во-первых, Ленц позапрошлым летом заключил сделку с Хранителем кладов, которая принесла ему немалые дивиденды. Подробности сделки, разумеется, являлись тайной за семью замками, но кое-кто знающий мне шепнул, что обе стороны свои обязательства друг перед другом выполнили полностью. Добавила Арвиду веса в обществе и расправа над некой амбициозной девицей, которая с чего-то решила, что может захватить власть над ночной Москвой. Бред редкий, но факт есть факт, она начала лить мертвую вурдалачью кровь, как водицу, за что и отправилась в небытие, а Арвид, принявший на себя работу по ее устранению, в результате сменил клуб, расположенный в спальном районе, вот на этот, центральный.

Такое козырное расположение личной резиденции в Москве сейчас только у него и Михаила Иванова, главы самой старой вурдалачьей столичной семьи. По слухам, ему лет четыреста, если не больше. Дескать, был он стрелцом, выступал на стороне Лжедмитрия Второго, и его то ли по ошибке, то ли по недосмотру обратил какой-то поляк во время Смутного лихолетья. Поляка того он пришиб, но дело было сделано, бессмертие и вечную жажду уже никуда не денешь. Сам я, правда, с Ивановым никогда не общался, потому не могу сказать, правда это или нет. Я его

даже не видел ни разу. Данный товарищ, похоже, еще больше нашего Модеста не любит новое время, потому никуда не ходит и к себе никого не зовет, за что и получил негласное прозвище Затворник.

– Вход в клуб только по приглашениям, – остановил меня охранник. – У вас оно есть?

– Есть-есть, – тут же одернул его напарник, явно узнавший то ли меня, то ли Модеста Михайловича. – Прошу вас, проходите.

Кстати, и тот и другой люди, не вурдалаки. Да тут, собственно, подавляющее большинство персонала люди. Причем без всяких культивируемых в последние лет двадцать в литературе штампов: «Пусть пища нам служит, поскольку мы – высшая форма существования». Ничего подобного. Все как везде – зарплата на карту, отчисления в фонды, штрафы, отпуска, служебный рост и так далее. И, что важно, никто их не тронет, даже если захочет, таковы правила, установленные Ленцем. И дело не в его внутреннем благородстве или чем-то таком, здесь чистой воды прагматизм. Случись что нехорошее и незапланированное с кем-то из персонала или гостей клуба, и об этом уже на следующий день узнают все заинтересованные лица. Ну и, конечно, отдел, это уж наверняка, причем сразу из нескольких источников. А потом начнется такая карусель, что врагу не пожелаешь.

Арвид по своему обыкновению находился в личной ложе, которая как бы нависала на главным залом, в котором гре-

мела музыка, сверкали огни, звенели рюмки и бокалы в баре и шумел развеселый ночной московский люд.

– Максим! – увидев меня, Арвид дружелюбно улыбнулся и помахал рукой, при этом не вставая с кресла. – Молодец, что заглянул в гости. И вас, Ангелина, тоже рад видеть. Хорошо, что вы наконец воспользовались моим предложением. Ого! Господин Рауш! И вы решили почтить меня своим вниманием?

А вот тут он оторвал зад от кресла и почтительно склонился перед моим спутником. Табель о рангах у этой братии, если можно так сказать, выжжен в крови. Человек, даже полезный, по статусу всегда будет стоять ниже умудренного опытом и богатого связями собрата.

– Здравствуй, Арвид, – кивком поприветствовал Ленца Модест Михайлович и уселся в одно из кресел, стоявших у стола. – Шумно у тебя тут. Если бы не эти двое, которые просто бисером рассыпались, мол, «поехали» да «поехали», сроду бы сюда снова не наведалься.

– Возникли какие-то вопросы, в которых я могу вам помочь? – мигом все понял Арвид. – Или даже проблемы?

– Вопросы, – подтвердил я, устраиваясь напротив него. – И, может, совет, если на то у тебя возникнет желание.

– Если речь пойдет о Самвеле – не думаю, что это его ребята хотели тобой поужинать, – откинулся на спинку кресла Ленц. – Надуть, впихнуть хлам по люксовой цене, много чего наобещать и ничего не сделать – да, сразу поверю. Но такую

глупость учудить – это нет.

– Уже в курсе? – усмехнулся я. – Саркисян позвонил или кто другой нашептал?

– А мы вот нет, – возмутилась Геля. – Макс, ты ничего не забыл нам рассказать?

– Не-а, – заверил ее. – И вообще – ты хотела веселья? Ну так и вперед. Дуй вниз, бахни в баре коктейль-другой и порви танцпол.

– Так и сделаю, – надув губы, бросила девушка и вышла из кабинета.

– Да, тебе что-то принести выпить? – спросил у меня Ленц.

– Виски, – подумав, сказал я. – Причем сразу шота четыре, чтобы после официанта не гонять туда-сюда.

Модесту он, понятное дело, ничего не предложил. Спиртное тому неинтересно, а кровь в присутствии смертных ни один вурдалак сроду употреблять не станет, таковы традиции. Даже если тот про мир Ночи знает больше, чем иной его исконный обитатель.

– Не Самвел это, – повторил Арвид, – но кто – не знаю. Одно могу сказать наверняка: они тебя пить не хотели. Попугать собирались.

– Не уверен. – Я повел плечами так, словно на них снова навалилась тяжесть потенциального убийцы. – Выглядело все по-взрослому. Уж наверное, я могу отличить одно от другого.

– А я точно знаю, что трое наших всегда выпьют одного человека, даже такого, как ты, то есть понимающего, с кем именно он столкнулся. Как бы это ни выглядело, при любом раскладе. Ну, если только они не совсем юниоры, но в этой ситуации подобное мне кажется маловероятным. Мои более-менее опытные собраты не дадут добыче ни единого шанса, а у тебя, насколько я понял, таковой имелся.

– Точнее, тебе его оставили, – добавил мой спутник. – Ты же это имеешь в виду, Арвид?

– Именно, – с достоинством подтвердил тот.

В принципе его слова отлично укладывались в ту версию, которая сложилась в моей голове еще тогда, когда я кушал барашка на празднике Газвана. Они не хотели меня убивать, это на самом деле так. Поскребли бы клыком по шее, но не критично, так, чтобы я ощутил, что Смерть она вот, рядом. Или что похуже, вроде перспективы на вечную жизнь. Потом их спугнули бы, а я остался на полу, раздавленный, испуганный и в мокрых штанах.

Но все пошло не по плану. Сначала я пугаться не захотел, а после еще и Ровнин заявился, сократив коллектив группы психологического давления на треть.

Правда, остается все тот же вопрос – кто за ними стоял? Кому это нужно? А ответа нет, по крайней мере – пока.

– Ладно, это мои проблемы, мне их и решать. – Я достал из кармана летнего пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и протянул владельцу клуба: – Прочти и скажи, что по это-

му поводу думаешь.

– Любопытно, – хмыкнул вурдалак, принимая от меня документ. – Интрига, однако.

Я встал и глянул вниз, в зал. Ага, вон и Геля. Ее тот служащий, который нас сюда привел, проводил к стойке и что-то бармену сказал. Наверное, то, что эта девушка гость клуба, ей можно наливать желаемое в любых количествах, а денег брать не следует.

– Так-так. – Голос Арвида чуть изменился, совсем немного. Но достаточно, чтобы я это уловил. – Скажу тебе так, Макс, удивил ты меня.

Глава 5

– Сильно удивил?

– Изрядно. – Вурдалак бросил лист на столик. – Так что ты хочешь знать?

– А разве есть несколько вариантов? – я показал на документ. – Но если хочешь... Кто автор? Можно ли ему верить? В идеале же – не знаешь, чего именно он от меня хочет?

– С последним проще всего, – улыбнулся Ленц. – Он хочет все и много. Такой у него план на эту жизнь и этот мир. Что под себя подгрести можно – подгребет, не сомневайся. Но особый интерес у этой персоналии к тому, чего у остальных нет.

– Удивил, – фыркнул я. – Да мы все такие. Или ты свое существование по другим принципам строишь?

– За недоступным лично я не бегу, ломая ноги, – возразил мне Арвид. – И лоб о стенку попусту не расшибаю, делаю это только тогда, когда других вариантов нет. Да и на себя не наговаривай, ты знаешь, когда надо остановиться. Не у тебя ли пару лет назад появилась возможность лапу на царский тайник наложить. Было такое?

– Было, – подтвердил я.

Интересная тогда история вышла, хоть и запутанная. Изначальным заказчиком была ведьма из Оренбурга, желавшая выяснить, что случилось с ее любовником, который при-

был в столицу за две недели до этого. В результате завертелась карусель с погонями и стрельбой, закончившаяся почти для всех довольно невесело. Заказчица погибла, перед тем отомстив убийцам своего сердешного дружка, попутно жизни лишилось несколько человек и ведьм. Ну а я остался со сломанной ключицей, ссадинами на лице и без гонорара. Платить-то его было некому. Нет, аванс я взял, и неплохой, но в целом остался в убытке.

А еще нашу компанию тогда занесло в подземелья под Кремлем, где мы изрядно страха натерпелись, а непосредственно я нашел захоронку времен царя Михаила Федоровича. Разумеется, не прямо его самого, скорее всего тот сундучок с украшениями и монетами припрятал кто-то из кремлевских сотрудников времен правления первого из Романовых, опасавшийся повторения недавней смуты, но это сути не меняло.

— И что ты предпочел сделать? А ведь шансы на то, что тебя за руку не схватят, были велики, не меньше чем пятьдесят на пятьдесят.

Что, что... Государству найденное сдал, через отдел. И дело не в гражданской позиции или патетике вроде «это добро принадлежит народу», просто проблем не хотелось. А они могли бы возникнуть, поскольку умерли не все из тех, с кем я тогда по кремлевским подземельям бродил. Вот не останься свидетелей, тогда да, тогда я тот сундучок непременно к рукам бы прибрал и в тайник переправил. Но самое неприят-

ное то, что история с кладом стала общим достоянием, причем поступок мой мало кто одобрил. Вон до сих пор давнее эхо аукается.

Лучше бы я эту заначку семнадцатого века вообще не находил, очень уж много от нее проблем.

– А вот он – нет, – Ленц постучал ногтем по письму, – невзирая на детали. Кто поспел, тот и съел. Ну или кто первый встал, того и тапки.

– Он, он, – немного рассердился я. – Есть у этого человека имя?

– Есть, – подтвердил вурдалак. – Но я тебе его не скажу. В письме нет на то никаких указаний. Тут что сказано? Надо подтвердить факт деловой чистоплотности, что я с удовольствием делаю. И да, автор этого письма всегда выполняет то, что обещал, данному им слову можно верить смело. А все остальное – без меня.

А ведь Ленц его боится. Ну, того, кто письмо написал. Или как минимум здорово опасается. Надо же, никогда не думал, что подобное доведется увидеть.

Не знаю, кто автор письма, но я его уже уважаю.

– Впрочем, еще пару советов я тебе все же дам, – подумав, добавил вурдалак. – В качестве премии за недавнюю помощь. Первое: если возьмешь его заказ, то не вздумай после начинать какую-то свою игру. Он всегда выполняет принятые на себя обязательства, но требует от партнера или наемника ровно того же. Такие у него принципы.

– А второй совет? – поторопил я Ленца, который, выдав предыдущую фразу, о чем-то задумался.

– Второй? – переспросил он. – А, да. Вот тебе и он: не связывайся с автором этого письма. Ты почти наверняка получишь очень щедрую награду, обзаведешься новыми полезными связями и хлебнешь адреналина полной ложкой, то есть все будет так, как ты любишь. Но кто знает, что при этом потеряешь. А без потерь тут не обойдется, можешь не сомневаться. Никто, кто работал с этим... господином, скажем так. Так вот – никто не выходил из партнерства с ним таким же, каким являлся до того. Очень он непрост, понимаешь?

Господи боже, да о ком таком мы говорим? Прямо демоническую какую-то особу Ленц описал. Но демонов не бывает, это выдумки кинематографистов и фольклористов. Как, кстати, и дедайтов, и зомби, и еще много кого. Да и вообще зла в чистом виде не существует, как, впрочем, и добра. Вон я недавно контракт один получил, надо было кикимору в Дубненском районе прикончить за то, что та жену и дочку какого-то серьезного бизнесмена на болота заманила и там утопила. Не знаю уж, какая болотная жижа ей в голову ударила, чем ей те помешали, но факт есть факт. Тем более что безутешный муж и отец, которого в офис приволок его приятель и мой бывший клиент, заплатил не торгуясь, а по тарифам такая работа стоит сильно недешево. Болото – место неприятное, опасное и вонючее, за такие заказы я беру опла-

ту по высшей ставке.

Кстати, он отчего-то мне поверил сразу, еще до того, как я, чтобы убедиться в своих предположениях, ему несколько фотографий показал, на которых были запечатлены жертвы кикимор. У этой нечисти есть свой стиль и почерк, единый для всех представителей данного вида, его ни с чем не спутаешь. И тела жертв они никогда у себя в болоте не оставляют, всегда на берег выкидывают. Хотя, ради правды, и убивают очень нечасто. Погонять бедолагу по хлябям, попугать охами, ахами и огоньками – это можно, загнать поглубже в трясину – тоже. Но смертоубийство... Единственное, может, эти бедолаги чего не то сказали, находясь на ее территории? Болотные Хозяйки сильно обидчивы.

Заказ я выполнил, причем без особых проблем. Обычная работа, ничего нового. Пока кикимора гонялась по болоту за нанятыми на ближайшей железнодорожной станции местными ханыгами, во всю глотку вопящими разные непристойности в ее адрес, я отыскал логово, а там и до заветной захоронки добрался, той, в которой соломенная куколка-чучелко лежит. Зачем? Так в том чучелке ее жизнь. Кикимора ведь не от сырости завелась, она когда-то кем-то была. Может, девчушкой малой, некрещеной, которая забрела в эти топи и тут утонула, а после из темной чарусьи обратно вылезла уже не человеком, а нечистью; может, душой нерожденного младенца, того, которого зачали где-то здесь, на берегу болота, а после в абортарии по просьбе матери из нее выскреб-

ли. Да там много вариантов, и все они так себе.

Но одно неизменно — где-то лежит вот такая куколка соломенная, в которой осталась та искра прежней жизни, что держит кикимору на этом свете. Эдакий, прости Господи, крестраж. Найди его, а дальше все просто. Неотрывно глядя на кикимору, запали можжевелевую ветку, зажги с нужными словами это чучелко — и сгорит его обладательница, останется от нее только куча тряпья да желтый кривой зуб. Нет, можно, конечно, и по-другому болотную обитательницу извести, так, как в старину богатыри делали. То есть колпак железный надеть, вилы да рогатину с собой взять, да и пойти героизировать, при этом в грязи перемазаться по самое не хочу и воды болотной наглотаться. Но зачем? Можно всё решить проще, надо только держать глаза открытыми, не хлопать ушами, и не лениться много читать, причем желательно первоисточники в Ленинской библиотеке. А, ну и головой думать, а не задницей, разумеется.

Так вот — сгорела кикимора, я зуб ее забрал и уходить в сторону берега собрался, где ханыги костерок уже разложили и пузырь с водкой по рукам пустили, как пожаловал болотник. Я сначала напрягся, подумал, что драться придется, а мне этого очень не хотелось, и так башка от удушливого трясинного газа уже раскалывалась. Но нет, тот на тряпье сгнувшейся супруги упал, стал слезами заливаться и причитать, что, мол, он сколько раз ее просил живые души без нужды не губить, что рано или поздно ей это дело боком выйдет.

Ну а ко мне ноль претензий, потому что я в своем человеческом праве.

К чему рассказал – что тут добро? Что зло? Так-то кикимора злодейка, но любил же за что-то ее тот, похожий на большую лягушку, болотник? Зацепила она его чем-то.

Но вообще странно. По всему выходит, что мой потенциальный заказчик – персона в подлунном мире значимая, весомая, и в Москве, отдельно заметим, известная. Так почему я о ней ничего не слышал? Ведь должен был. Мое агентство открылось не вчера, до того я без него тем же самым занимался какое-то время и со всей определенностью могу сказать – мне известны почти все мало-мальски значимые обитатели ночного города. Про рядовых вурдалаков или гулей речь, разумеется, не идет, но те, кто стоит над ними, мне знакомы лично или я о них слышал.

И на тебе, получил такой поджопник по самолюбию.

– Не хочешь говорить имя – твое право, – сказал я. – Но ты хоть намеки какие-то дай. Он из людей или нет? В Москве живет или где в другом месте?

– Отличный виски. – Ленц взял в руку бутылку, что принес официант, и знаком велел ему покинуть кабинет. – Двадцать пять лет выдержки. И заметь, оригинальный, не польский контрафакт, которым все забито.

– Не хочешь? – напрямую спросил я.

– Не хочу, – подтвердил Арвид, разливая спиртное по стаканам. – Надеюсь, ты не затаишь на меня за это обиду?

Ну, это сказано уже приличия ради. Чихать он хотел на мою обиду, слишком разные у нас с ним весовые категории. Хотя даже не в них дело. Статус в Ночи у нас разный, равно как и степень влияния на события.

Но даже таким, как он, время от времени нужны услуги таких, как я. Даже чаще, чем остальным, потому что чем выше ты взбираешься, тем быстрее растет количество желающих дернуть тебя за ноги с тем, чтобы ты улетел вниз, в пропасть.

– Ни в коем случае, – заверил я его и взял со стола стакан с виски. – Не исключено, что в подобной ситуации мной было бы принято такое же решение. Ну, будь я на твоем месте.

– Откажись, – тихо произнес Ленц, и край его стакана с еле слышным в шуме клуба бряканьем коснулся края моего. – У тебя и так все неплохо, ты крепко стоишь на ногах. Стоит ли дергать Судьбу за нос?

Мы прикончили эту бутылку, потом еще одну, а после я, стыдно сказать, здорово поплыл. Нет, лишнего не наболтал, я даже когда напиваюсь в хлам, фиксирую что и кому говорю, но размотало меня капитально, даже не помню, как в машине оказался.

Последнее, впрочем, выяснилось почти сразу, поскольку в моей постели обнаружилась Геля. Нет-нет, ничего такого в этом нет, ситуация не то чтобы частая, но и не уникальная. Время от времени мы спим друг с другом, но никаких обязательств ни на нее, ни на меня это не накладывает, о чем

мы давным-давно договорились. Никакой ревности, никаких «как ты мог, ведь я...» и прочей сентиментальной чепухи. Мы взрослые люди, а у них в жизни чего только не случается. К тому же с нашей работой время на личную жизнь не всегда находится, а если такое и случается, то там тоже все не слава богу. Как-то раз, например, одного неплохого парня, который за Гелей приударил, чуть на тот свет случайно не отправили. Мы хоть и на Садовом кольце работаем, но двор, где находится вход в офис, старомосковский, то есть отделен от большого города аркой, потому у нас здесь всегда тихо, безлюдно, и за счет здоровенных тополей и лип сумрачно. Этот бедолага появился сюда вечером, чтобы Геле сюрприз устроить, дескать, «домой тебя провожу», и в дверях столкнулся со злой до невозможности киндзе Илзе Балодис, верховной лаумой города Риги. По-нашему – главой ведьмовского ковена. Злость объяснялась просто – одна ее близница ребенка украла, а в кроватку подменыша подсунула, у тамошних ведьм это нормальная практика. И все бы ничего, но случилось это на территории нашего консульства. Опять-таки, может, оно бы и обошлось, но среди дипломатического персонала оказалась одна дама, которая кое-что в таких вопросах смыслила, потому быстро поняла, с чего это ребенок, до того тихий и спокойный, начал ежеминутно орать, есть в три горла и на себя прежнего внешне вроде не очень похож. В результате в Ригу на следующий день с утра прикатили Ровнин и его заместитель Нифонтов, и уже к вече-

ру дитя вернулось к перепуганной матери, а лаума, которая все это провернула, лишилась своей силы и заветной броши. Все латышские ведьмы после инициации такие получают, это что-то вроде обязательного атрибута, без которого тебе везде проход закрыт.

Госпожа Илзе, узнав про это, сильно осерчала и отправилась в столицу, чтобы вернуть забранное, но успеха не достигла. Да что успеха, она в переулках Сухаревки даже дом, где отдел сидит, не нашла. Есть у сего здания такая причуда, не всякий до его дверей сможет добраться. После попыталась найти поддержку у российских коллег по цеху, но, как нарочно, все главы московских ковенон кто куда разъехались, а их первые помощницы сказали настойчивой латышке, что не вправе принимать решения международного характера. Тогда она направилась ко мне, ей кто-то из соотечественников дал мои координаты, скорее всего Пятрас, мой коллега из Риги. Хороший, кстати, парень, мы с ним в Смоленске познакомились, когда одного и того же баубаса выслеживали. Так случается, я же не один такой на весь свет, есть и другие специалисты. Чаше расходимся мирно, иногда, правда, доходит дело и до драки. Мы же люди, не всегда получается договориться.

Так вот – я тоже лауму послал куда подальше. Девка ее с любой стороны неправа, это факт. Думать надо, у кого дите прешь, да и вообще такие вещи в наше время не очень к месту. Да, традиция, да национальный промысел, но при чем

тут наш дипломатический корпус?

Так эта старая стерва, выходя от меня, и отыгралась на незадачливом Гелином кавалере, долбанув его таким проклятием, что страшно вспомнить. Хорошо, хоть быстро разобрались, что к чему, и сумели дозвониться до Виктории, сотрудницы отдела, которая в этих вещах здорово разбирается.

Парень после, насколько я понял, на Садовую-Каретную вообще больше никогда не навещался, а Геля лишилась очередного потенциального ухажера. Что до Илзе – она к тому времени из первопрестольной уже смылась, потому «обратку» я ей включать не стал, но пометочку в свой гросс-бух поставил. Земля круглая, она вертится, так что при случае непременно ей какую-нибудь пакость устрою. Парня мне не то чтобы сильно жалко, но это случилось на пороге моего второго дома, а такое не забывают.

– Хочу кофе, – раскрыв сонные глаза и потягиваясь, сообщила мне Геля. – Горячего и сладкого!

– Кто из нас секретареньш? – удивился я и поморщился, поскольку боль иголкой уколола висок. – Кофе – твоя работа.

– Работа на работе. – Геля повернулась и примостила свой подбородок мне на плечо. – А тут я гостья, за которой надо ухаживать.

– Ладно бы кто другой такое сказал, но от тебя такое слышать странно. – Каждое слово давалось мне с трудом, да еще и жажда навалилась. – Ты тут бываешь чаще, чем в гостях

у родителей.

– Я девочка, могу и покапризничать, – насупилась Геля. – И эта девочка, кстати, вчера кое-кого на своем плече перла к машине. А кое-кто был тяжелым, непослушным и пытающимся пуститься в пляс.

– А чего Модест не помог? – удивился я, ощущая, как слова скребут по сухому горлу. – Мог бы, с него не убудет.

– Он изрек какую-то пространную фразу о вреде пьянства, скорее всего цитату из очередной умной замшелой книжки, а после ушел в бильярдную с помощником Арвида, – пояснила девушка. – Ладно, сейчас сама сварю.

– И попить мне принеси, – попросил я. – Пожалуйста!

После литра холодной воды, в которую Геля, уже натянувшая на себя футболку с надписью «Закипело-кидай, всплыло-вытаскивай» еще и целый лимон выдавила, мне изрядно полегчало, а после того, как по квартире поплыли запахи кофе, так и вовсе похорошело. Настолько, что я смог воскресить в памяти вчерашний разговор с Арвидом.

Одно плохо – ясности в ситуацию он не добавил ни на грамм. Скорее, наоборот, все запутал. Мало того – мне еще сильнее стало интересно, кто же такой автор письма. Что это за личность, которую опасается один из самых сильных вурдалаков Москвы и области?

Случись это не сегодня, а раньше, я бы мог предположить, что это Георгий Николаевич, колдун из Марьино. Лютый дед немереной силы и с таким же сомнением, с ним даже от-

дел лишний раз старается не связываться. Говорят, что ему еще в нежном возрасте перешла от отца сила, которая корни свои брала в глуби времен и изначально принадлежала Мирогневу, тому самому, что работал волхвом во времена Владимира Ясно Солнышко. Мало того – стал первым из волхвов, восставшим против прихода нового бога на славянские земли. Правда это, нет – не знаю, но дед реально непростой. Вот только два последних года он, в силу возраста, полностью отошел от дел и, по слухам, вовсю ищет преемника. Ну а поскольку Георгий Николаевич нереальный перфекционист, то поиски отнимают у него все свободное время.

Еще я бы мог предположить, что речь идет о Кашеевиче, который одно время в городе отирался. Тоже непростая личность с немалым авторитетом. Но его еще когда сожгли отшельские на пару с ведьмаком, тем, который Ходящий близ Смерти, причем не сомневаюсь, что за дело. Общался я с покойным, редкой говнистости товарищ был. Ну а наследник его еще не подрос наверняка.

Конечно, этой парочкой список серьезных личностей, обитающих в Ночи, не ограничивается, но больше пока никто на ум не идет. Плюс ко всему страна у нас большая, в ней кто только не обитает, а если смотреть глобальнее, то есть и остальной мир. Хотя последнее, конечно, вряд ли. С чего бы, например, какому-нибудь южноамериканскому Луисону брать в рекомеданты обитателей Москвы, среди которых вурдалак, колдун и наследник древней силы? Где он

со всеми тремя, кроме столицы же, мог знакомство свести?

– Сходи в душ, тебе оно не лишним будет, – заглянула в комнату Геля. – А потом иди на кухню, завтрак почти готов.

Нет, положительно есть хорошие стороны в той ситуации, когда после пьянки в доме оказывается женщина, особенно если она не любитель пилить мозг и выяснять, кто мы теперь друг другу. Просто случались у меня и такие ситуации, что скрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.